

У истоков Руси

Александр Майборода

Мстислав
Храбрый

Александр Дмитриевич Майборода

Мстислав Храбрый

Серия «У истоков Руси»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17144036

Мстислав Храбрый : роман / Александр Майборода: Вече; Москва; 2020

ISBN 978-5-4484-8251-9

Аннотация

У князя Владимира Святого, крестителя Руси, до того, как обратился он в христианство, было пять жён. Но когда сочетался он браком с византийской царевной Анной, то перестал считать их супругами, а их сыновей – наследниками престола киевского. Дабы обезопасить себя от возмущения, интриг и заговоров, решил Владимир отослать всех ущемлённых подальше: и прежних жён, и сыновей. Вот так и получилось, что ни в чём не повинный сын Владимира – малолетний Мстислав – оказался в далёкой Тмутаракани. Но именно там предстоит ему заслужить себе прозвище – Храбрый.

Содержание

Предисловие автора	5
Часть 1	15
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	45
Глава 7	47
Глава 8	49
Глава 9	52
Глава 10	54
Глава 11	63
Глава 12	67
Глава 13	74
Глава 14	82
Глава 15	86
Глава 16	91
Глава 17	95
Глава 18	104
Глава 19	106
Глава 20	113
Глава 21	115

Глава 22	117
Глава 23	125
Глава 24	131
Глава 25	139
Глава 26	146
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Александр Майборода

Мстислав Храбрый

Предисловие автора

Человек часто даже не догадывается, что ход его жизни определяется событиями происходящими далеко от того места, где он живет.

Византия – наследница Римской империи. Гордая. Высокомерная. Считавшая себя центром мира.

Удивительная страна! Там евнухи делали простых солдат императорами, а уличных проституток – царицами.

Кстати, «Византия» – название, придуманное западноевропейскими историками гораздо позже, уже после ее падения. Сами византийцы называли себя «римлянами», то есть «ромеями». На самом деле население Византии было многонациональным, но на Руси их называли «греками», из-за преобладания греческого языка и эллинизированной культуры.

Одной из самых знаменитых женщин была, жившая в конце десятого века, дочь константинопольского шинкаря Анастасо, промышлявшая в заведении своего отца проституцией.

По отзыву византийского писателя и историка Льва Диякона, Анастасо была «наиболее прекрасная, обольстительная и утонченная женщина своего времени, одинаково выделявшаяся своей красотой, способностями, честолюбием и порочностью».

Но в Византии от панели до трона – один только шаг.

Многоопытная девица играла мужчинами, как игрушками.

Когда ей на глаза попался молодой наследник византийского престола Роман, она увлекла его с легкостью.

При этом молодой человек настолько потерял голову, что, к ужасу императора Константина Багрянородного и императрицы Елены, женился на ней.

Горе позора убили императора и его супругу быстро.

Анастасо, сменившая запачканное имя на новое – Феофано, не преминула воспользоваться смертью своих врагов и заставила мужа изгнать из дворца сестер и заключить их в монастырь.

Теперь она императрица Феофано. И горе тому, кто хоть намеком вспомнит прошлое императрицы.

Едва муж исполнил эту прихоть, как Феофано завела интрижку с полководцем Никифором Фокой, полностью подчинив его своему влиянию.

После этого Роман недолго прожил.

Никифор Фока стал новым императором и новым мужем молодой интриганки, красивой и коварной, словно ядовитая

змея.

Простодушный воин даже не догадывался, что, женившись на Феофано, он поставил жирный крест на линии своей жизни.

И вскоре он последовал за Романом – был зверски убит заговорщиками.

Новым императором стал Иоанн Цимисхий.

Иоанн Цимисхий происходил из знатного армянского рода. Он был племянником императора Никифора Фоки. Того самого, что убил своего предшественника и взял бывшую проститутку Анастасо в жены.

Так Феофано и ее друг – первый министр, евнух Василий Лекапен – привели Иоанна Цимисхия на вершину власти.

Но Цимисхий вырос в пропитанной предательством и изменами атмосфере византийского двора, поэтому оказался умнее своего несчастного дяди. Зная истинную цену Феофано и ее друзьям, он поторопился избавиться от них.

Феофано была сослана в монастырь на голом острове Кыналыада.

Цимисхий был человеком с чувством юмора – из нового жилища интриганка могла видеть свои прежние чертоги.

Правда, вскоре ей удалось убежать. Она попыталась получить защиту за стенами собора Святой Софии, но оттуда ее

вытащили силой и отправили в отдаленный армянский монастырь.

Иоанн Цимисхий был смел и умен. Был щедр и человеколюбив. Всякий, кто просил у него чего-либо, не уходил от него обманутым в своих надеждах.

Иоанн любил жизнь. Напивался на пирах до беспамятства. Был жаден до женщин – ни одной юбки мимо не пропускать.

Он словно торопился жить. И его предчувствия не обманули его.

Иоанн не был глупцом, но, как ни печально, забыл старое мудрое правило – если наступаешь на змею, то наступай на голову.

Избавившись от Феофано, он забыл о ее друге, придворном евнухе, первом министре Василии Лекапене, к которому давно уже приклеилось прозвище «делатель императоров».

Поэтому неудивительно, что вскоре император Иоанн Цимисхий внезапно умер в самом цветущем возрасте.

Смерть жизнелюбивого армянина вернула к власти македонскую династию. Императорами были объявлены сразу двое – Василий и Константин.

Багрянородные братья были совершенно разными людьми.

Младший, Константин, тяготился властью и вскоре от-

странился от всяких государственных дел, целиком посвятив себя семье.

Но еще более поразительная перемена произошла со старшим, Василием. Веселый молодой гулёна вдруг превратился в сурового воина-монаха.

Он стал упрям, раздражителен и жесток без меры. Ранее всесильных министров и придворных он превратил в обычных слуг. Никто из них не знал, чем закончится очередная встреча с императором.

Ко всем их бедам Василий объявил себя защитником бедных – государем-народолюбом.

Ладно было бы, если бы все это оставалось словами, призванными придать Василию популярность в народе. Но, к ужасу местных властителей, его слова не расходились с поступками.

Он приказал крупным землевладельцам платить недоимки за своих соседей.

А когда узнал, что властитель Филокалес, сам вышедший из крестьян, составил свое имение путем изгнания односельчан и уничтожения родной деревни, то распорядился стереть с лица земли его дворец, украденную землю отдать прежним хозяевам, а самого вернуть в крестьянское звание.

Вот тут и восстали феодалы. Самые сильные из них, родственники императора Фоки, подняли против Василия всю Малую Азию. Вскоре войско мятежников приступило к стенам Константинополя.

Оказавшись на краю пропасти, Василий сделал то, чего раньше не делал ни один византийский император. Он обратился за помощью к исконным врагам империи – славянам.

Киевский князь Владимир отнесся к просьбе с пониманием и прислал на помощь Василию 6000 воинов.

Взамен не потребовал ни земель, ни золота. Только руки сестры императора.

Анна не была ни молода, ни красива.

Но она была – БАГРЯНОРОДНОЙ!

Брак с ней давал могущественному киевскому князю то, чего нельзя было взять силой или купить – право его потомкам на византийский трон и царский титул.

Восстание Фоки было подавлено.

Но Василий не спешил выполнять свое обещание. А когда Владимир начал настаивать, он попытался его обмануть и послал под видом своей сестры красивую девицу.

Владимир этим подарком был разгневан. У него было шесть жен и почти тысяча наложниц, а уж случайных подруг – не перечесать, так что красотой очередной женщины его трудно было удивить.

А на императора, как только русские войска ушли, свалилась гора несчастий.

Сначала в Малой Азии восстали Склиры, род более могущественный в Византии, чем какой-либо.

Одновременно с этим на Солунь, второй город империи,

напал из Западной Болгарии грозный Самуил, сын боярина Шишмана, возрождая мечту о Великоболгарском царстве.

Наконец и сам Владимир, обозленный обманом, двинулся на таврические владения Византии.

В «Истории государства Российского» Н. Карамзин писал: «...988 г. Собрав многочисленное войско, Великий Князь пошел на судах к Греческому Херсону, которого развалины донныне видимы в Тавриде, близ Севастополя.

Сей торговый город, построенный в самой глубокой древности выходцами Гераклеяскими, сохранял еще в X веке бытие и славу свою, несмотря на великие опустошения, сделанные дикими народами в окрестностях Черного моря, со времен Геродотовых скифов до Козаров и Печенегов. Он признавал над собою верховную власть Императоров Греческих, но не платил им дани; избирал своих начальников и повиновался собственным законам Республиканским. Жители его, торгуя во всех пристанях Черноморских, наслаждались изобилием.

Владимир, остановясь в гавани, или заливе Херсонском, высадил на берег войско и со всех сторон окружил город. Издревле привязанные к вольности, Херсонцы оборонялись мужественно. Великий Князь грозил им стоять три года под их стенами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложения, в надежде, может быть, иметь скорую помощь от Греков; старались уничтожать все работы оса-

ждающих и, сделав тайный подкоп, как говорит Летописец, ночью уносили в город ту землю, которую Россияне сыпали перед стенами, чтобы окружить оные валом, по древнему обыкновению военного искусства.

К счастью, нашелся в городе доброжелатель Владимиру, именем Анастас: сей человек пустил к Россиянам стрелу с надписью: “За вами, к Востоку, находятся колодези, дающие воду Херсонцам чрез подземельные трубы; вы можете отнять ее”.

Великий Князь спешил воспользоваться советом и велел перекопать водоводы (коих следы еще заметны близ нынешних развалин Херсонских). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались Россиянам.

Завоевав славный и богатый город, который в течение многих веков умел отражать приступы народов варварских, Российский Князь еще более возгордился своим величием и чрез Послов объявил Императорам, Василию и Константину, что он желает быть супругом сестры их, юной Царевны Анны, или, в случае отказа, возьмет Константинополь».

После взятия Владимиром Херсона упрямство Василия немедленно было развеяно, словно ночной туман горячим утренним ветерком.

Он вызвал сестру из монастыря и довольно безапелляционно приказал ей немедленно отправляться к жениху.

Анна ужаснулась. Она много слышала о похождениях

Владимира. А супружество с тем, кто вчера представлялся свирепым врагом, казалось ей жестоким пленом, и лучше ей умереть, чем выйти замуж за развратного дикаря.

Василий вспомнил о нравах своего двора, о Феофано, о судьбе своих предшественников. Он усмехнулся и сказал, что царевны не вольны располагать собой. Раз политика требует, чтобы она вышла замуж за дикаря, то она должна повиноваться этому, хотя бы ей это казалось ненавистнее смерти.

Василий был плохим братом, но все же подсластил горькую пилюлю, объявив сестре, что на ее долю выпадала священная миссия обратить идолопоклонников в истинную веру.

В «Истории государства Российского» Н. Карамзин о тех событиях писал: «Горестная Царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: там народ встретил ее как свою избавительницу, со всеми знаками усердия и радости.

В летописи сказано, что Великий Князь тогда разболелся глазами и не мог ничего видеть; что Анна убедила его немедленно креститься и что он прозрел в самую ту минуту, когда Святитель возложил на него руку.

Бояре Российские, удивленные чудом, вместе с Государем приняли истинную Веру (в церкви Св. Василия, которая стояла на городской площади, между двумя палатами, где жили Великий Князь и невеста его).

Херсонский Митрополит и Византийские Пресвитеры совершили сей обряд торжественный, за коим следовало обручение и самый брак Царевны с Владимиром, благословенный для России во многих отношениях и весьма счастливый для Константинополя: ибо Великий Князь, как верный союзник Императоров, немедленно отправил к ним часть мужественной дружины своей, которая помогла Василию разбить мятежника Фоку и восстановить тишину в Империи.

Сего не довольно: Владимир отказался от своего завоевания и, соорудив в Херсоне церковь — на том возвышении, куда граждане сносили из-под стен землю, возвратил сей город Царям Греческим в изъявление благодарности за руку сестры их.

Вместо пленников он вывел из Херсона одних Иереев и того Анастаса, который помог ему овладеть городом; вместо дани взял церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырех коней медных, в знак любви своей к художествам (сии, может быть, изящные произведения древнего искусства стояли в Несторово время на площади старого Киева, близ нынешней Андреевской и Десятинной церкви).

Где Византия? Где Русь? Далеки они друг от друга, но как часто корни событий находятся там, где и не предполагаешь.

Часть 1

Мятеж княжеских жен

Глава 1

Киев. 990 год. Летняя ночь. Не чувствуется ни малейшего дуновения. Небо черно как смоль. Не видно ни луны, ни звезд. Земля словно покрыта толстым душным одеялом.

Под гнетом духоты все живое молчит.

Притихли даже соловьи – верные барды любвеобильной богини ночи Нюкты, родившей и светлого Эфира, и Гемеру – богиню света и дня, и Танатоса-смерть, и Гипноса, и Немесиду-мечь, и Алату-обман, и всех остальных богов, что властвуют над жизнью и смертью людей.

Но нет тишины на земле.

На площади перед гридницей горит костер. Перед костром дружинники дико орут песни и пляшут, словно бешеные. По стенам мечутся призрачные тени.

Из темных закоулков слышится женский визг, вой и плач. Пахнет мочой. Едкий дым факелов стелется низко над землей и ест глаза.

Кажется, что Киев захватила черная бесовская сила.

Но нет. Это великий князь Владимир веселился по случаю

возвращения домой из похода на Корсунь.

Боясь подвергнуться насилию пьяных дружинников, третья жена великого князя Владимира Аделина приказала наглухо запирать двери и по ночам от страха не смыкала глаз.

Буйство мужа ее не удивляло. Человек, который имеет шесть жен, почти тысячу наложниц и при этом охотится на чужих жен и дочерей, словно голодный дикий зверь, не может быть кротким агнцем.

На вторую ночь после приезда пьяный Владимир ввалился к ней в комнату. Не говоря ни слова, он взял ее – грубо и бесцеремонно, точно гулящую девку.

В том, что произошло, не было и намека на любовь, или на заботу, или на уважение.

Не было и никаких других чувств. Только равнодушие. Только лишь тупое животное желание.

Правда, на следующий день Владимир прислал ей сундук с подарками. Подарки были прекрасные. В сундуке были шелковые и парчовые ткани, золотые и серебряные украшения, жемчужные ожерелья.

Это была дорогая плата за пережитый позор.

Он словно хотел ей напомнить, что, несмотря на ее звание княжеской жены, она отличалась для него от других женщин лишь тем, что ее детей он считал своими потомками.

Вид подарков ни вызывал в душе у оскорбленной женщины ничего более, чем ярость и обида, и она велела любимой служанке Милице, бывшей у нее за ключницу, спрятать по-

дальше от ее глаз. Она решила, что при первом же удобном случае продаст их.

Буйный характер великого князя был хорошо известен всем, в первую очередь – княжеским женам. Поэтому они старались держаться от мужа подальше. Князь женам дал села, в которых они большую часть времени и жили, в тишине и уюте.

Однако каждая женщина желает общения с равными себе. Хотя...

Вернее, с теми, кто выше их по общественному статусу. Это дает ей чувство собственной значимости. Ведь лучше попасть под опалу властителя, чем не вызывать у него никаких эмоций, словно ты бездушная вещь.

Собственно, это и собрало княжеских жен в Киеве, когда они узнали, что Владимир возвращается из похода.

К их разочарованию, Владимир даже не попытался встретиться с ними. На радостях от удачной сделки с императором он сильно загулял.

Поняв, что ничего хорошего не предвидится, жены начали думать, как сбежать из Киева.

Княгиня Аделина в преддверии сумасбродных гуляний обычно уезжала в свое сельцо, где было спокойно и легко.

Но на этот раз княгине Аделине уехать не удалось. Для того, чтобы уехать из Киева, требовалось разрешение от мужа. Хоть и не робкого десятка была княжна – при родитель-

ском дворе в Либице нравы были не самые благопристойные, а ее дед по матери, богемский князь Болеслав, не зря получил имя Грозный, – но к пьяному мужу княгиня Аделина идти боялась: Владимир во хмелю был несдержан на язык и поступки, а потому общение с ним могло закончиться позором и даже побоями.

Но особенно Аделину перепугала последняя выходка Владимира.

Как известно, греческий император Василий пытался его обмануть и послал под видом своей сестры красивую девицу. Владимир этот обман легко раскусил. Пока он воевал с греками, лжецаревна сидела в тюрьме.

Теперь же, вернувшись, Владимир решил поставить точку в давней истории.

Лжецаревну вытащили из подпола. За годы, проведенные в тюрьме, она превратилась в жалкое зрелище – грязная, оборванная, исхудавшая.

По приказу Владимира девицу отмыли, накормили, напоили, а затем, когда она уверилась в том, что ее жизнь налаживается, замуровали живой в стену.

Мольбы несчастной девицы не тронули Владимира ни в малейшей степени.

Девушка была совершенно невиновна.

Она назвалась царевной по приказу своего господина. Если бы она отказалась, то ее бы убили.

Но какое значение имеет жизнь и судьба простого челове-

ка, когда правители ссорятся между собой?

Глава 2

Деревня располагалась на берегу небольшой реки, впадающей в Десну. Вокруг деревни поля и огороды.

От деревни до берега Десны было не больше версты. В месте впадения речки в Десну находилась пристань. У пристани – постоянный двор, склады.

Чуть дальше на берегу речки располагался огороженный высоким частоколом большой двор. За оградой большая изба двух этажей: на первом этаже хозяйственные помещения, на втором, куда вело высокое крыльцо, – жилые помещения. Рядом с избой постройки для животных – конюшня, коровник, свинарник и курятник. Все сложено из крепких бревен.

Прямо над речкой нависала странная постройка – большой дощатый сарай, пристроенный к каменной стене с высокой трубой. Внутри у стены горн с мехами.

Рядом большая наковальня на огромном пне, стянутом железными полосами. Как видно, раньше здесь росло дерево. Его срубили, в пень вбили наковальню, а вокруг построили кузницу.

На верхней полосе на крючках висит различный инструмент – щипцы, клещи, зубила, кусачки, ножницы.

В стороне малая наковальня. На тяжелом дубовом столе, почерневшем от сажи, тиски.

Остальной инструмент – кувалды, молотки, лом, лопаты

– прислонен у стены, там, где лежит куча угля.

Кузница не зря находилась в стороне от села.

В кузнице огонь. Шум. И вообще кузнечное ремесло дело колдовское, тайное, ибо тот, кто работает с огнем, друг самому Сварогу. Недаром слова «кузнец» и «козни» одного корня.

Кузница и двор были построены давно. В свое время (в 944 году) император Роман I Лекапен, испугавшись вышедших в поход на Византию русов, поспешил заключить с великим князем киевским Игорем военно-торговый договор.

В счет этого договора к Игорю были направлены мастера. В том числе и по металлу.

Князь Игорь намеревался построить для греческих ремесленников слободу под Киевом.

Но этим планам не было суждено сбыться. Осенью (945 года) князь Игорь был убит древлянами.

Таким образом, корабли с ремесленниками прибыли не вовремя. Вдове, княгине Ольге, занятой мстью древлянам, было не до ремесленников. Ремесленников назад на родину она не отпустила, но разрешила им селиться там.

В числе ремесленников был и молодой мастер по железу Алексис.

Наверно, он так и остался бы в Киеве со своими соплеменниками, но, прогуливаясь по весеннему городу, встретил девицу, такую прекрасную, что не смог с ней расстаться.

К зиме он уже жил в деревне на берегу одной из рек, впа-

дающих в Десну.

Сорок лет Алексис с женой прожили в мире и согласии. Имели множество детей. Правда, из них выжили только четверо.

Оставили детям в наследство крепкий двор и кузницу.

Хозяйничал во дворе старший – Андрей.

Все дети Алексиса имели греческие имена.

Андрей был женат, и у него было двое детей. Средние еще не были женаты. Но на Покров у них были уже сговорены свадьбы.

Тишка был младшим. Ему было четырнадцать лет, однако тяжелая работа в кузнице физически развила его, он был высок, широк в плечах и приятен лицом. Волосы черные, мелкими завитками. Лицо, то ли в отца, то ли от копоты, имело коричневатый оттенок.

Своим обликом он сильно выделялся среди окружающих, чем привлекал любопытство женской части населения.

В кузнице он исполнял подсобную работу – качал меха, носил уголь, воду.

Сейчас он убирался. Братья работу закончили и ушли в баню, чтобы вымыться перед ужином.

Тишка должен был подготовить кузню к следующему дню. Наполнил кадку свежей водой. Принес уголь. Подмел и принялся раскладывать инструмент по местам.

За этим занятием его застал Первинок.

Первинок совсем мальчишка – ему десять лет. Он невы-

сок. Очень худой. От худобы лицо остренькое.

Одежда его проста – старые холщовые штаны и рубаха – заплата на заплате. Первинок прячет в шляпе иглу и нитку, и когда от старости на одежде появляется очередная прореха, он ее зашивает.

На ногах у мальчика лапти. Первинок их сам плетет.

Через плечо сумка. В ней кусок хлеба и желейка. С сумкой Первинок никогда не расстается.

Мальчика звали Первинком не зря.

Барвинок-первинок – это кустарник, цветущий крупными синими цветами.

Первинок отличается удивительной прочностью и живучестью. Он живет, пока есть хоть капля воды, но и когда кажется, что он умер, стоит плеснуть немного воды, и он снова расцветет.

Он рано распускается весной, но мало кто обращает на него внимание.

По преданию, цветок пожаловался на свою участь богине жизни и плодородия Живе, и та подарила ему цветы крупнее, а жизнь дольше, чем у фиалки, и дала скромному вестнику весны имя Первинок – победитель.

В деревне у Первинка нет ни родных, ни своего двора. Он живет в деревне, словно бродячий щенок.

Никому не известно, откуда он появился, кто его родители и куда они делись. Сердобольные бабы пытались его рас-

спрашивать, но он ничего не помнил, а может, и притворялся, что ничего не помнит, не желая вспоминать печальные изломы судьбы.

Первинок жил тем, что пас деревенское стадо, а потому лето проводил на пастбище. Зимой он жил во дворах по очереди.

Тишка дружил с Первинком и зимой пускал его ночевать в кузню, где всегда было тепло от жара в горне и горячего металла.

Войдя в кузницу, Первинок прислонился к косяку.

– Тиш, а Тиш? Ты еще долго будешь убираться? – поинтересовался он.

– Недолго, – отозвался Тишка. – Огонь только потушу.

Он взял железную кочергу и разворошил угли в горне. Разворошенные угли, получив приток воздуха, полыхнули оранжевыми языками пламени.

Тихон кочергой разбил большие угли на мелкие кусочки. Развалившись в пыль, угли быстро сгорали. Золу Тишка сгреб в железный совок. Прошел в угол, где была щель, в которую виднелась текущая вода, и высыпал.

Положив совок в грудку инструмента, он подошел к кадке с водой и стал умываться. Вода пахла горелым железом.

– Тиша, рыбачить будешь? – спросил Первинок.

– Не хочу! – сказал Тишка.

Он стряхнул с рук капли воды и потянулся к чистой мягкой тряпице, висевшей на гвозде над кадкой.

– А я удочку поставил у входа, – сказал Первинок.

Тишка бросил взгляд на приятеля и поинтересовался:

– Братишка, ты есть хочешь?

Щеки Первинка покраснели.

– Не хочу.

Тишка усмехнулся:

– Брат, не ври. Ты хоть за целый день чего-либо поел?

– Тиша, я молока поел.

– А хлеба?

– И без хлеба молоко сытное.

– Кто тебя сегодня должен кормить?

– Говен.

– И что он, тебе ничего не дал?

– Дал лепешку.

– И всё?

– Я его корову доил.

– Говен известен жадностью, – кивнул головой Тишка и повесил тряпицу назад. – Ты погоди, я тебе принесу чего-либо.

– Я рыбу поймаю и запекую на костре, – сказал Первинок.

– Когда ты ее еще поймал? – сказал Тишка и распорядился: – Жди меня здесь! Никуда не уходи!

Когда он зашел в избу, старшие братья уже сидели за столом.

– Опоздал! – строго проговорил старший брат Андрей, си-

девший во главе стола.

Радмила, жена старшего брата, поставила на стол горшок. Запахло горячим пшеном. Каша была покрыта блестящей коричневой корочкой.

Андрей наложил большой деревянной ложкой кашу себе в миску. К горшку потянулся следующий.

Андрей попробовал кашу и от удовольствия прищурился.

– А каша-то хороша.

Затем обратил внимание на Тишку:

– А ты чего стоишь у двери, как чужой?

– Я еще работу в кузне не закончил, – соврал Тишка.

– А чего пришел?

– Я к Радмиле.

– Чего тебе? – подошла к нему Радмила.

– Дай кусок пирога, – шепнул Тишка.

– Ты на рыбалку собрался? – спросила Радмила.

Андрей услышал последние слова и громко проговорил:

– Тихон, ты сначала поужинай, а потом иди, куда хочешь!

– Я быстро вернусь, – сказал Тишка.

Радмила догадалась:

– Первинок опять голодный?

Тишка кивнул головой.

– Говен его должен кормить?

– Говен.

Радмила вынула из печи противень с пирогами. От горячих пирогов так вкусно пахло, что Тишка в желудке почув-

ствовал голодный спазм.

Радмила завернула один из пирогов в чистую белую тряпицу, отдала Тишке и громко проговорила:

– Андрей, надо сказать старосте, чтобы сделал выговор Говену. Жадностью он уморит мальчишку. Мне куска хлеба для человека не жалко, но установленный порядок все должны соблюдать. Сегодня он не дал хлеба мальчишке, а дальше?

Андрей усмехнулся:

– А дальше? А дальше – Говен смерд, но у него брат тиун. Он давно зарится на место старосты. Так что староста, от греха подальше, промолчит.

Василий, старший из средних братьев, проговорил:

– К тому же мы свободные мужи, а потому не можем вмешиваться в дела сельской верви... Хотя бы по таким – пустяковым.

Что дальше говорил Андрей, Тишка не услышал, так как выскочил из избы.

Добежав до кузницы, увидел, что Первинок сидит на бревне у входа и жует травинку.

Тишка подал ему сверток с пирогом:

– Лучше это ешь.

Первинок развернул пирог, в глазах предательски блеснула жадность. Он трясущимися руками отломил большой кусок и весь засунул в рот.

Тишка улыбнулся:

– Ты бы еще весь пирог сунул в рот.

– Могу и весь, – прошамкал набитым ртом Первинок.

Тишка рассмеялся:

– Ладно! Мне надо идти. Андрей какой-то разговор затевает. Хочет, чтобы я был. Ты где будешь сидеть?

– У омута. Попробую соменка поймать, – сказал Первинок.

– После подойду, – сказал Тишка.

Он взял с верстака туесок, порылся в нем и подал Первинку крючок.

– Возьми.

Первинок осмотрел крючок и похвалил:

– Тонкая работа.

– А то! – гордо сказал Тишка. – Ковал чуть ли не полдня.

Глава 3

Когда Тишка вернулся в избу, ужин заканчивался. Андрей окинул его хмурым взглядом и погрозил ложкой:

– Тихон, если ты еще раз опоздаешь к столу, то можешь вообще не приходить.

– Мне надо было, – с виноватым видом на лице проговорил Тишка.

– Братьев уважать надо, – сказал Андрей.

Но выговора дальше не учинил.

Тишка присел к краю стола. Радмила поставила перед ним миску с кашей.

Андрей отложил ложку и рукой вытер бородку.

Это был знак, и Радмила поставила на стол кувшин с медовухой и кружки.

Убрав миски и ложки, она наполнила кружки медовухой.

– Братья, теперь, когда мы все собрались, продолжим наш разговор, – начал Андрей.

О чем пойдет разговор, догадаться было несложно, правда Тишка предполагал, что он состоится только осенью.

Андрей продолжал:

– Зимой у вас свадьбы. Оба хотите отделиться.

Средние братья кивнули головами.

– Я этого тоже хочу, – проговорил Андрей. – Избы поставим. В своих хатах будете играть свадьбы...

За спиной Андрея встала Радмила. Она вытирала руки рушником.

Андрей покосился на нее и снова продолжил:

– Избы-то поставим. И скот поделим. И коней дам.

– Делить будем на троих или на него... – Василий кивнул на Тишку, который уже и забыл о каше, – тоже будем выделять долю?

Василий задал важный вопрос – ведь если Тихону дать равную долю, то братьям достанется меньше.

– Тишка еще молод, – проговорила Радмила.

Андрей кивнул головой:

– Поделимся честно. Но не о Тихоне идет речь. И даже речь идет не о наследстве...

Братья насторожились.

– И о чем же? – подал голос Василий.

– Ты чем собираешься заняться? – вместо ответа спросил Андрей.

– Как чем? – удивился Василий. – Как и наш отец, как и ты, мы мастера корчному делу...

– В деревне есть место только для одной кузни, – холодно проговорил Андрей и замолчал.

Тишке стало понятно, почему Андрей так легко соглашается отдать братьям их доли, хотя хорошо знает, что это сильно ослабит хозяйство.

Кузнец мастер на все руки – и по металлу коваль, и болезнь вылечить, и свадьбу организовать. Поэтому кузнечное

дело прибыльное и убыль быстро вернется.

Но дело будет прибыльным до тех пор, пока нет соперника. Братья для Андрея были первыми соперниками – в мастерстве они мало чем уступали ему. Поэтому в интересах Андрея, да и самих братьев, было жить как можно дальше друг от друга.

Андрей отпил из кружки большую долю и обвел братьев тяжелым взглядом:

– В общем, так, месяц даю каждому сроку, чтобы решить, куда уедете...

Василий возразил:

– Куда мы поедем? Новое место среди чужих людей найти не так просто.

Андрей нахмурился:

– Вы об этом должны были подумать раньше. Надо было не за девками бегать, а думать, как семью кормить будете.

Второй средний брат, Денис, обычно молчаливый, проворчал:

– Я, наверно, все же останусь в деревне. Вступлю в общину.

– Отец наш учил: свободой не торгуют. Кто раз продаст свободу, тот лишится ее навсегда. – Лицо Андрея побагровело. – Если кто захочет остаться в деревне, то либо должен работать у меня, либо оставить корчное дело.

– Нет... а я уйду в Чернигов, – задумчиво проговорил Василий.

– Верно! Иди! – обрадованно проговорил Андрей. – Чернигов – город большой. Там места всем хватит.

– А я? – спросил Тишка.

– А твоя доля останется у меня. Пока ты не станешь самостоятельным, – сказал Андрей.

Тишка больше ничего не стал спрашивать.

Доев кашу и запив молоком, он вышел из избы.

До темноты было еще далеко. Стрижи истошно щебетали, пикируя с высоты. Воздух был пропитан тонким, нежным и сладковатым ароматом цветущей липы.

Постояв немного у крыльца, Тишка взял прислоненную к стене удочку и отправился по тропинке вдоль реки.

Приятеля нашел под деревом на берегу омута. Вода в омуте бурлила. Первинок внимательно смотрел на поплавок, медленно плывущий в шаге от берега.

Тишка сел рядом.

– Как дела?

Первинок кивнул головой на веревку, одним концом привязанную к ветке дерева, другим – уходящую в воду.

Веревка была туго натянута.

– Поймал соменка? – поинтересовался Тишка.

– Нет, – сказал Первинок и потянул удочку.

На крючке оказалась небольшая плотвица.

– А тянула, как большая, – с разочарованием проговорил Первинок. Плотвицу бросил обратно в воду и сообщил: – Тиша, у меня еще на кукане сазан.

– На что ловишь? – спросил Тишка, готовя удочку.

– На пареную пшеницу, – сказал Первинок и пододвинул к Тишке лист лопуха, на котором желтела горстка пшеничных зерен. Коричневатая кожица на зернах была надтреснута, обнажая белоснежную сердцевину, нежную словно пух.

Тишка зацепил крючком за кожицу несколько зернышек и опустил снасть в воду рядом с берегом, где вода была спокойнее.

– И чего звал тебя брат? – полюбопытствовал Первинок.

– Собирается с братьями делиться...

– Ну, они же зимой женятся.

– Он им сказал, чтобы они уезжали из деревни. Чтобы не мешали – в деревне одного кузнеца хватает.

– А они что?

– Дениска хочет остаться в деревне. А Васька пообещал уйти в Чернигов, – сказал Тишка.

– И правильно. А ты?

– А что я? Я остаюсь при брате. Долю он мне какую-то даст, но года через три и мне придется уходить. Андрей упрекал братьев за то, что они заранее не подумали, куда им переселяться. Так что мне надо уже сейчас подумать об этом.

Глава 4

На исходе второй недели терпение княгини Аделины закончилось, и в отчаянии она собралась идти в церковь молиться, чтобы Господь привел непутевого супруга в здравый ум.

Во многих русских городах уже были христианские общины. Церкви обычно ставили в неброских местах, чтобы не вызывать неприязни язычников.

Правда, христианам на Руси опасаться было нечего. Языческая вера подразумевала терпимость к другим верам. А как же иначе? Бог – многолик. Но и язычники не терпели, когда им навязывали чужую веру.

В Киеве деревянная церковь находилась прямо напротив княжеского дворца, во дворе княгини Ольги.

Скромная церковь была поставлена еще в незапамятные времена самим князем Аскольдом.

Удивительно, но она уцелела даже несколько лет назад, когда Владимир, стремясь использовать язычество для усиления своей власти, устроил гонения на христиан. Однако даже он не решился что-то рушить на дворе своей властной бабки.

До двора княгини Ольги была всего лишь пара сотен шагов. Дойти – минутой. Не больше. Если бы для того, чтобы попасть в церковь, не надо было пройти по площади, где буй-

ствовали дружинники.

Поэтому Аделина никак не могла решиться выйти из дворца.

Она проснулась посредине ночи. В комнате было темно.

В теле медленно разливался тягучий мед, приторно-сладкий, липко склеивающий пальцы. Он истекал откуда-то из нижней части живота и, касаясь сердца, заставлял его вздрагивать и нервно биться.

Что-то вызвало в душе Аделины беспокойство. Но что? Не понимая причин беспокойства, Аделина некоторое время лежала без движения с закрытыми глазами, прислушиваясь к гулкому сердцу.

Наконец она смутно начала догадываться, что вызвало ее беспокойство: было необычно тихо. А ведь еще вчера вечер клокотал адской смесью грубого пьяного хохота с визгливой истерикой флейт и тяжелой барабанной дрожью воздуха.

Аделина открыла глаза, и в глаза ей ударил яркий свет. В открытом окне горела раскаленная до нестерпимого блеска одинокая искра. Казалось, кто-то, находящийся далеко, подавал Аделине знаки факелом. Свет дрожал, заслоняясь чем-то большим и мохнатым. Свет исчезал, но через мгновение снова пронзал черноту ночи.

Заинтригованная этим, Аделина села в кровати. Опустив ноги, почувствовала мягкий ворс ковра. Она прошла к окну.

Комната Аделины находилась на верхнем этаже терема, и

она подумала, что факел должен находиться на горе, так как свет не заслонялся городскими стенами. Но не было в округе выше горы, чем та, на которой находился город.

– Милица?.. – тихо проговорила Аделина.

За дверью послышался шорох, затем дверь приоткрылась, пропустив полосу дрожащего слабого желтого света. Следом протянулась рука со свечой. А затем и бледное лицо.

– Княгиня, ты не спишь? – негромко проговорил сонный женский голос.

– Не сплю, – так же тихо ответила Аделина.

Дверь окончательно открылась, и в комнату вошла молодая женщина в простой ночной рубахе со свечой в руке.

Было заметно, что она выше и более крепкого телосложения. Лицо круглое. В глаза бросался длинный тонкий шрам, протянувшийся от верхней губы через щеку и почти до виска.

Несмотря на шрам, многим мужчинам Милица казалась привлекательной. Однако Милица мужчин избегала.

Женщины всегда выбирают себе в подруги более некрасивых подруг, потому что те подчеркивают их красоту. Ведь красота познается в сравнении.

Но Аделина выбрала Милицу себе в служанки совсем по другой причине.

В 983 году по всей Европе прокатились восстания язычников против христиан.

Владимир только что закончил войну с братьями за наследство.

Любой более или менее умный правитель хорошо знает, что его власть держится на трех китах – на военной силе, на экономике...

С военной силой просто – среди людей всегда имеется множество людей, не имеющих таланта либо ремесла, но охотно соглашающихся рискнуть жизнью ради призрачного куша.

Имея силу, несложно приобрести богатства, для этого достаточно ограбить первого встречного или наложить дань на окружающих.

Но главное в управлении государством – идеология! Преданность деньгами не купишь. Ибо сколько ни плати, всегда найдется тот, кто заплатит больше. Только идея является тем клеем, что прикрепляет людей к власти.

У Владимира, с точки зрения обычного человека, было множество недостатков. Он был и жесток, и беспринципен, и лжив, но он не был глупым человеком.

Стремясь упрочить свое положение, он пытался реформировать язычество, чтобы превратить его в государственную религию. В качестве образца он использовал уже показавшие свою эффективность монотеистические религии, в том числе и христианство. Это вызвало такое недовольство народа, что Владимир почувствовал, как зашаталась гора, на которой зиждился его дворец.

Поэтому, когда язычники поднялись на христиан в Киеве, Владимир закрыл глаза на убийство жителей Киева, хотя и христиан. Более того, чтобы успокоить людей, он даже принес в жертву лучшего дружинника Иоанна и его отца Федора Варяга, бывших христианами.

На следующий день после убийства Федора Варяга и его сына во двор к Аделине пришел монах. Он попросил юную княгиню позаботиться о пострадавшей во время мятежа молодой женщине. Аделина согласилась, не раздумывая. В тот же вечер она ее увидела.

Женщина казалась старухой. Волосы ее были бесцветны. Глаза пусты. На лице глубокая рана, в глубине которой белела кость. Одежда изорвана в лохмотья.

Она все время в бреду звала ребенка.

Аделине пояснили, что у женщины был ребенок. Ребенок пропал. Очевидно, что его убили и выбросили в реку.

Аделина не верила, что она сможет выжить. Но она выжила. Раны зажили. Правда, печаль из глаз так и не исчезла.

С тех пор Милица и служит Аделине.

– Милица, иди сюда, – поманила она служанку.

Милица подошла.

– Княгинюшка, чего же ты не спишь? Ведь сегодня тихо. Угомонились, окаянные! – проговорила она.

– Погаси свечу, – сказала Аделина.

Милица быстрым движением пальцев сняла со свечи

огонь.

– Смотри, – сказала Аделина и показала рукой вдаль.

– Смотрю... – проговорила Милица, не понимая, что вызвало интерес у княгини.

– Видишь?

– Нет. Ничего не вижу... Темно.

– Ах, какая же ты слепуха! Прямо старуха... – расстроилась Аделина.

Милица пожала плечами.

– Княгиня, темно – ничего не видно, – попыталась она неуверенно оправдаться.

– Но – вон там! Видишь – сверкает огонь, – с долей раздражения в голосе пояснила Аделина.

Милица вгляделась и сказала:

– Это звезда.

– Слишком ярко светит, – усомнилась Аделина.

– Это утренняя звезда – Венера, – сказала Милица. – Она появляется на небе только перед рассветом и светит так ярко, словно там горит костер.

– Но ведь других звезд не видно? – сказала Аделина.

– Их свет не пробивается сквозь мглу, – сказала Милица.

– А мне показалось, что кто-то знаки подает... – промолвила Аделина.

Милица бросила на нее быстрый взгляд.

– Может, и так, – задумчиво проговорила она.

– Я давно в церковь собиралась, – сказала Аделина.

– Сейчас самое подходящее время, – сказала Милица. – Во дворе тихо. Наверно, все спят.

– Скоро рассвет, – сказала Аделина. – Давай одеваться.

Милица вопросительно взглянула на нее. В комнате было несколько сундуков, заполненных одеждой и обувью.

Аделина кивнула головой и промолвила:

– Для церкви.

Милица открыла один из сундуков.

В сундуке аккуратной стопкой лежало несколько платьев. Наряды были роскошные. Легкие – шелковые разных цветов и из тончайшего белого полотна, вышитые узором. Тяжелые, парадные – из парчи с вычурной отделкой.

Перед Богом должно представлять в скромном виде. Один из главных грехов – гордыня. Ослепленный гордыней человек хвалится своими качествами перед Богом, забывая, что получил их от Него.

Аделина, не задумываясь, выбрала самое скромное платье – из темно-красного бархата, с белыми кружевами.

Женщина на улице не может показаться без головного убора, тем более в церкви. На голову Аделина взяла коричневый плат с белой полосой вдоль каемки.

Выбрав наряд, Аделина с помощью Милицы оделась.

Одевшись, Аделина присела к зеркалу. Мазнув взглядом, Аделина заметила, что Милица все еще в ночной рубаше.

– Сходи оденься, – сказала Аделина и вновь обратилась к зеркалу.

Милица ушла. Через несколько минут вернулась уже в полной одежде.

Другой бы удивился быстроте, с которой женщина оделась, но Аделина посчитала это само собой разумеющимся.

Она встала, сказала: «Пошли!» – и шагнула к выходу.

– Погоди, княгиня, – сказала Милица и накинула на плечи княгини темно-синий плащ с капюшоном.

– Зачем плащ? – спросила Аделина. – На улице душно.

– Это не для тепла, – проговорила Милица. – Плащом скроешь лицо.

Аделина кивнула и, пряча лицо в складках ткани, вышла на порог. Здесь остановилась, вспомнив, что хотела взять в церковь старшего сына.

Оглянулась на сопровождавшую ее служанку и спросила:

– Милица, где Мстислав?

– Его дядька забрал с вечера, – ответила Милица.

Глава 5

Несмотря на молодость – княгине Аделине было всего двадцать пять лет, – у нее было уже три сына – Мстислав, Станислав и Судислав.

Станислав и Судислав были совсем малыши-несмышленныши.

Как известно – люди не помнят жизнь до четырех лет. Поэтому по обычаю сын принадлежит матери только до четырех лет.

Мстислав был самым старшим среди детей Аделины – ему шел восьмой год. Поэтому он хорошо помнил, что происходило тогда.

В четыре года его посадили на коня. Обычно княжичей после этого отдают на воспитание дядьке – лучшему из княжеских бояр. Обычно это был кто-то из родственников по материнской линии.

У княгини Аделины в Киеве родни почти не было.

Отец княгини Аделины, зличанский князь Славник, по крови был близок к роду саксонских королей. У него было семь сыновей и три дочери.

Мать Аделины, Стрежеслава, княжна из рода Пржемысловичей, была редкой красоты. Дочери пошли в мать и поэтому представлялись для королевских домов желанными

невестами.

Аделина не была исключением.

Аделина – блондинка. У нее длинные белые волосы с золотистым оттенком.

От лица невозможно оторвать взгляда. Лицо приятной овальной формы. Огромные синие глаза – особенную яркость им придают черные брови – смотрят загадочно, что притягивает взгляды мужчин, как магнит. Белая кожа лица матовая, на щеках едва заметный румянец. Небольшой прямой носик.

Пухлые нежно-розовые губы. Над левой частью верхней губы небольшая родинка, которая придает лицу молодой женщины особенную пикантность.

И другие части тела хороши.

Роста она выше среднего. Стройная, словно юная березка. Фигура гармонична – тонкая талия; хорошая грудь – из декольте выглядывают соблазнительными мраморными холмиками. Ноги длинные – высокий каблук делает их бесконечно длинными. Длинная узкая ладонь. Холеная шелковая ладонь, никогда не знавшая физического труда.

Одежда и украшения подобраны тщательно – не слишком много украшений и не слишком яркие, чтобы только подчеркнуть красоту молодой женщины.

Разумеется, о любви Аделины к Владимиру никакой речи нет. Отец Аделину выдал замуж чисто по политическим мотивам – он надеялся получить помощь Владимира в борьбе

с родом Пржемысловичей за богемский княжеский трон.

В Киев зличанскую княжну сопровождал брат Часлав.

Передав сестру киевскому великому князю, он не вернулся домой, а вступил в княжескую дружину. Тем самым он сохранил себе жизнь, так как между Славниковичами и Пржемысловичами вскоре разгорелась ожесточенная война, в которой род Славниковичей был уничтожен.

Вполне закономерно, что воспитание Мстислава Владимир поручил Чаславу.

Как всякий здоровый ребенок, Мстислав был непоседлив и горазд на проказы.

Видимо, характером он пошел по бабкиной линии – в необузданных Пржемысловичей.

Даже Болеслав II, носивший прозвище Благодетельный, лил людскую кровушку, словно простую водицу.

Аделина считала, что брат потакал авантюрным наклонностям любимого племянника.

А дядька Часлав на ее упреки отвечал насмешками: глупая ты сестрица, если ты из княжича хочешь вырастить монаха!

Княгиня Аделина тихо вздохнула – слишком далеко заглядывал Часлав: Мстислав был всего лишь пятым сыном великого князя... Пятый сын при благополучном раскладе мог лишь получить какой-либо бедный далекий удел.

Глава 6

– Значит, Мстислав у брата... – с досадой проговорила княгиня Аделина, ту же затянула узел на платке и вышла на крыльцо.

Раннее утреннее солнце всплывало над сапфировым горизонтом, словно спелое яблоко, туго налившееся пурпурным соком.

Пахло свежестью – ночью прошел дождь, покрывший изумрудную траву седым хрустальным бисером.

Во дворе не было ни души.

Спустившись с крыльца, княгиня Аделина направилась к воротам.

У ворот дружинник с багровой от перепоя мордой, закрыв глаза, мочился на изгородь.

Княгиня Аделина отвернулась.

Выскочивший вратарь оттолкнул пьяного дружинника.

– Будь здрава, княгиня, – поприветствовал он княгиню.

Аделина даже в скромной одежде была прекрасна.

Стан тонкий. Лицо светлое – прядь солнечно-светлых волос ручейком выпадает из-под темного платя на высокий чистый лоб. Большие глаза ласково светятся томной лазурью, точно утреннее небо после ночного чистого дождя. Хотя перед тем, как идти в церковь, и не прикоснулась к пухлым губам кармином, а все равно – губы, словно спелая сочная

вишня.

Такая девица может присниться только во сне.

Тряхнув головой, чтобы отогнать наваждение, сторож, скорчив умильное лицо, поинтересовался:

– А что так рано прекрасная голубица поднялась?

– Не вишь, что ли, спросонья, что в церковь княгинюшка идет! – ревниво вскинулась Милица.

– В церковь иду, – смиренно кивнула головой княгиня Аделина и укорила спутницу: – Милица, мы в церковь идем, успокой душу.

Похвала простого человека что-то тронула в ее душе, отчего вдруг появилось радостное ожидание чего-то необыкновенного и светлого.

– А что во дворе так тихо? – спросила княгиня Аделина, задержавшись на мгновение.

– Так князь с дружиной еще до восхода ушел на Перунову гору, – сказал вратарь.

Княгиня Аделина несколько удивилась ответу сторожа, вспомнив, что во время Корсунского похода Владимир принял от греков христианство. Однако она хорошо знала, что старые привычки неистребимы – ведь совсем недавно Владимир отдал на растерзание язычникам двух своих дружинников-христиан.

Однако, не желая идти в церковь в расстроенных чувствах, Аделина не стала дальше расспрашивать сторожа о делах мужа и продолжила свой путь.

Глава 7

Июньская ночь коротка. Не успела поблекнуть вечерняя заря, как восток набух белым молозивом.

Ошалевшие от летней бессонницы вестники зари, выполняя природный долг, уныло всхлипнули надтреснутыми колокольцами. Им немедленно ответил фанфарой сильный голос молодого кочета.

Старые петухи не стерпели молодого нахальства, и ночь рассыпалась длинной перекличкой – покотившейся все дальше и дальше, за розой, вскипающей над далеким горизонтом.

В темном хлеву обиженно вздохнула корова. Заржал конь.

Послышались людские голоса – особенно громкие в час, когда ночь прячется в тени.

Город просыпался – летом люди встают рано.

В церкви Аделина заметила гречанку Юлию.

Юлия была женой великого князя Ярополка. Когда Владимир убил своего брата, он обратил его жену в наложницу.

С Юлией, которую остальные жены считали слишком высокомерной, Аделина была в хороших отношениях, однако на этот раз не подошла к ней – беседа в церкви недопустима, так как мешает вникнуть в слова богослужения и собрать душу к исповеди.

Аделина молилась за спасение души мужа – густо обаг-

рена его грешная душа кровью, похотью, насилием и предательством.

Но что толку молить Христа о наставлении на истинный путь варвара?

Запекшаяся кровь тысяч несчастных жертв черной плесенью глубоко въелась в душу властителя. Не отмыть ее, не от-молить.

Грешна была Аделина – надеялась на чудо там, где его не могло быть...

Глава 8

Дружина великого князя делилась на старшую, младшую и среднюю.

Старшая дружина состояла из князей, бояр и мужей, служивших отцу великого князя. От отца она переходила к наследнику, вооруженная прежним влиянием и авторитетом в дружинной и общественной среде.

Из ее рядов назначалась княжеская администрация – тысяцкие, посадники и прочие представители.

Бояре составляли князю постоянную компанию – обедали он, молился ли или охотился. Они были его советчиками. Что бы князь ни затевал, он всегда должен был «явить» свой замысел служившим ему боярам, рискуя в противном случае лишиться боярской поддержки, что грозило ему неудачей.

Из старшей дружины неизменно выделялись командиры воев – ведь они самые опытные и доблестные.

Средний слой дружины составляла гридьба – мужи. В отличие от бояр, привлекавшихся к управлению, мужи занимались только военной службой. Эти дружинники составляли основной боевой контингент личных воинских сил князя.

Однако со временем, когда положение молодого князя становилось прочным, он начинал тяготиться старшей дружиной, не прислушиваясь к советам бояр. Князь предпочитал опираться не на отцовских дружинников – бояр, а на сво-

их сверстников.

Основной слой средней дружины составляли сверстники князя. Они росли и воспитывались с князем с детства. Вместе с этими дружинниками князь обучался военному делу, ходил в походы. Таким образом, сверстники были ближе всего к князю, и он опирался на их поддержку.

Как видно, старшая и средняя части дружины представляли собой личную гвардию, охрану и княжескую администрацию, а всего насчитывала от двухсот до восьмисот человек.

Эти люди подбирались по принципу личной преданности. Чтобы быть принятым в дружину, требовались рекомендации дружинников, поэтому случайный человек, каким бы он ни был храбрым и умным, не мог попасть в их ряды.

Иное дело – младшая дружина. Это домашние, но и военные слуги князя: отроки, детские, милостники, пасынки, также в зависимости от отдельных поручаемых им обязанностей мечники, метальники, вирники и другие. В их числе оказывались даже рабы.

Для ясности картины следовало бы добавить, что дружина получала денежное содержание из рук князя или пользовалась отчислениями от волостных кормов и различных платежей, поступающих от населения, исполняя при этом полицейские, судебные и административные поручения князя.

Великие князья имели личные земельные владения – пахотные, охотничьи, рыболовные. Свободные или захваченные земли они раздавали своим друзьям и дружинникам в

управление.

Таким образом, бояре и мужи землями распоряжались только как представители князя.

Глава 9

Брат жены великого князя, независимо от возраста, по своему статусу входил в старшую, боярскую часть дружины. Таким образом, дядька Часлав в дружине Владимира числился боярином.

Часлав был старше Аделины всего на два года. Так же строен и высок.

И лицом он был очень похож на сестру. На лицо Часлав приятен. А вот волосы, постриженные, так что едва достигали плеч, более темные, чем у сестры – русые. Бородка и усы изящные по форме, но с рыжеватым оттенком.

Тело Часлава было хорошо тренировано, о чем свидетельствовала атлетическая фигура с широкими плечами.

Княжеские сыновья много времени тратили не только на изучение наук, но и на совершенствование тела – ведь они должны были стать и правителями, и первейшими воинами.

А вот в одежде Часлав не уступал сестре – так же тщательно подбирал наряды, но в украшениях из золота и серебра не скупился. На шее золотая цепь с подвешенной серебряной гривной с золотым львом. Пояс украшен золотыми и серебряными фигурками зверей. На рукояти меча, гордости воина, – большой красный самоцвет.

Хотя Часлав жил в Киеве уже чуть ли не десяток лет, но своего двора так и не завел.

Для житья ему на княжеском дворе была выделена клеть – небольшая скромная комната, соединенная с другими помещениями переходами.

Глава 10

Мстислав обычно ночевал в комнате у дядьки.

Еще было темно, но как только Часлав зашевелился, просыпаясь, он вскочил, стирая рукавом рубахи сон с глаз, отражавшихся в зеркале рядом с окном большими пуговицами на белом полотне лица.

Глаза ему достались по наследству от матери – большие, синие, обрамленные густым опахалом длинных черных ресниц.

Такой прелести могла позавидовать любая девица.

А Мстислав стеснялся – из-за больших красивых глаз он смахивал на девчонку, что служило предметом насмешек его сводных братьев. Поэтому, чтобы уменьшить глаза, он щурился, точно был близорук.

Старшие сводные братья Вышеслав и Изяслав на Мстислава не обращали внимания. Хотя они и были старше его всего на пару лет, но они считали себя слишком взрослыми, чтобы опускаться до насмешек над младшим братом.

А Святополк вечно был занят книгами – все разговоры с ним неизменно переходили в философские рассуждения.

Из братьев Мстиславу он был более всех мил.

Мстиславу казалось, что он даже дружил с ним. Хотя для княжичей это было небезобидным поведением. Ведь никто не знал, как разведет судьба. А могло случиться так, что при-

ателям придется воевать, и причиной этому станет не личная ссора или личная неприязнь, а интересы дружины. Ведь князь зависит от дружины, не меньше чем дружина от него. В мире, где все решает сила, верная дружина дороже всякого золота.

Но все же, несмотря на хорошее отношение к Святополку, Мстислав считал, что ему следовало бы меньше показывать свою гордость и начитанность и больше заниматься воинскими искусствами. В мире, которым правит сила, науки не ценятся.

А вот другой брат, Ярослав, был большой заразой!

Хотя он был сверстником Мстислава, он не упускал возможности поизгаляться над ним. Даже обидную кличку придумал ему – «юница».

Правда и Мстислав в долгу не оставался – он не был на язык столь остр, как Ярослав, зато на руку был сильнее и проворнее его.

Ярославу немало доставалось тумачков от Мстислава, однако охоту тому к зубоскальству не отбило. Настырный был этот несносный мальчишка.

Мстислав считал, что в Ярославе соединилось все плохое, что было у его отца и матери.

Заметив, что Мстислав проснулся, Часлав спросил на чешском языке:

– Ты чего вскочил?

– Пора идти! – сказал Мстислав на русском.

– Говори на чешском, – сказал Часлав и зевнул. – Куда это ты собрался?

– Крушить языческие кумиры! – сказал Мстислав на русском.

Часлав сел и, томно потянувшись, пробурчал на русском с сильным чешским акцентом:

– Не такое это дело, чтобы опоздать на него...

Понятно, что в душе Часлав презирал Владимира за его дикую хитрость. Ведь понятно было, что Владимир устраивает из крушения старых кумиров комедию. Он хотел показать наивным людям бессилие их богов и делал это самым варварским способом.

– Отец велел дружине собраться на рассвете, – напомнил Мстислав.

– Помню! Но только надо сначала штаны надеть, – с недовольным выражением на лице проговорил Часлав, окончательно просыпаясь.

Перекрестившись, он прошел к небольшому окну. Посмотрел. Зевнув, заметил:

– Нет еще никого на дворе.

Мстислав уже натянул на себя штаны и рубаху. Теперь оборачивал вокруг талии кушак.

– Меч брать? – спросил.

Часлав сердито проговорил:

– Ты, Мстислав, великий торопыга. Прежде чем вязать кушак, умылся бы.

Странно – все мальчишки почему-то не любят умываться и все почему-то думают, что этого не заметят. Покраснев, Мстислав торопливо проговорил:

– Я лицо уже сполоснул водой.

– Ладно, – миролюбиво проговорил Часлав. – Сейчас умоюсь. Поедим. Тогда на сытый желудок и можно идти на двор... Совершать подвиги лучше всего на сытый желудок!

Последние слова он произнес с явной насмешкой.

Часлав подошел к кадке с водой в углу комнаты. Скинул рубаху. Зачерпнул липовым резным черпаком воды, отпил немного и протянул его Мстиславу:

– Полей-ка.

Он нагнулся над ушатом на лавке, и Мстислав стал лить воду на его спину тонкой струей. Часлав фырчал от удовольствия, разбрызгивая воду.

Как Мстислав ни уклонялся, брызги попадали ему в лицо. Вода была холодной, но это было приятно.

Во двор они вышли, когда дружинники уже собрались около крыльца, ожидая выхода князя.

Вышеслав, Изяслав и Ярослав стояли около дворцового крыльца.

Мстислав подошел к ним и по-взрослому поприветствовал:

– Здравы будьте, братья!

– И ты будь здоров, – ответили Вышеслав и Изяслав.

Ярослав не преминул съязвить:

– А вот и юница появилась.

Мстислав почувствовал, как его лицо вспыхнуло и ладонь сама собой сжалась в кулак. Заметив это, Вышеслав тронул его за плечо и проговорил:

– Мстислав, остынь. Ты же знаешь его...

О, Мстислав хорошо знал этого мерзкого мальчишку, который насмешками отравлял ему жизнь, и готов был его убить.

Мстислав, наверно, все же съездил бы Ярославу по уху, однако для этого одной насмешки было маловато. Князь Владимир не любил, когда его сыновья дрались, поэтому было бы лучше, чтобы драку начал Ярослав.

Не знаю, сколько бы Мстислав терпел, но подошел Святополк, и Ярослав перенаправил всю злость на него.

– А вот и монах – сын двух отцов! – воскликнул он. – Сейчас нам проповеди читать начнет.

– Стоит ли поливать помоями тех, кто чище тебя? – недовольно проговорил Вышеслав.

– Его мать наложница! – зло выпалил Ярослав.

– Его мать – греческая принцесса, – спокойно проговорил Вышеслав.

– Его мать греческая принцесса! – повторил Мстислав слова Вышеслава и с вызовом резанул Ярослава по больному месту: – А твоя мать – кто?

– У нас один отец. И мы все братья, – примирительно вмешался Изяслав.

– Святополк мне не брат! – зло бросил Ярослав.

– Зато мне брат, – сказал Мстислав, предчувствуя удовольствие, с каким накостыляет вздорному мальчишке, когда тот бросится в драку.

– Успокойтесь! А то я сам всыплю вам обоим! – пригрозил Вышеслав.

Святополк слышал оскорбительное замечание Ярослава, но сохранил невозмутимость, хотя волнение выдавала дрожащая щека. Он поклонился и поздоровался.

Вышеслав подал ему руку и поинтересовался:

– Брат, ты с нами пойдешь крушить кумиры?

Святополк пожал плечами и задал вопрос:

– А надо ли?

– Отец велел всем быть, – сказал Ярослав.

– Мне он этого не говорил, – небрежно бросил через плечо Святополк.

– Тебе что, не нравится приказ отца разрушить языческих кумиров? – с ехидным выражением на лице задал вопрос Ярослав.

Вопрос был с подвохом.

Однако Святополк не испугался и прямо ответил:

– Не нравится.

– Тебе не нравится желание отца заставить народ принять христианство? И тебе, христианину, это не нравится? – быстро спросил Ярослав.

– В отличие от тебя, я христианин от рождения. Я знаю,

что веру не навязывают насильно людям. К вере – приобщают. Что навязано человеку против его воли, никогда не станет его истинной верой, – снисходительно заметил Святополк.

В разговор вмешался Вышеслав:

– Хватит спорить! Отец выходит.

Изяслав шепнул на ухо Ярославу:

– Ярослав, прекратил бы ты приставать к братьям, а то они тебя поколотят.

– Не поколотят! – фыркнул Ярослав.

– Тогда скажу дядьке – уж он точно тебя выпорет, чтобы ты не ссорился с братьями, – сказал Изяслав.

Ярослав покосился на Изяслава.

Ему пришла в голову мысль, что отец, чтобы занять киевский стол, убил своих братьев и что и им придется убивать друг друга, чтобы получить наследство отца. Но об этом было нельзя говорить вслух, и Ярослав, против обыкновения, на этот раз ничего не ответил брату.

А тому было уже не до шкодливого младшего брата – отец был уже рядом.

Молодые княжичи, выстроившиеся в ряд, поклонились и дружно поприветствовали отца.

Владимир окинул довольным взглядом сыновей – крепкие, здоровые ребята, смотрят весело.

Один Святополк хмурый – словно волчонок в клетке. Но этот вечно недоволен. И Владимиру хорошо известно – по-

чему.

Владимир, уступив дружине, объявил ребенка жены брата, взятой им в наложницы, своим сыном.

Родной сын от Олавы Вышеслав был почти одного возраста со Святополком. Владимир считал Вышеслава своим наследником. Поэтому знал, что если с Вышеславом что случится – погибнет или умрет от болезни, – то возникнут большие проблемы: Святополк будет первым в очереди на великокняжеский престол.

Но все прекрасно понимали, что Владимир сделает все, чтобы Святополк никогда не стал его наследником: он живое напоминание совершенных преступлений.

Поступали доносы, что Святополк называет его убийцей отца и узурпатором.

За это можно было бы его посадить в тюрьму, но Владимир мер пока никаких не предпринимал – не пришло еще время.

Вот когда старшая дружина отойдет от дел, тогда...

Уделив внимание сыновьям, Владимир прошел к дружинникам – воевода Добрыня выстроил их в линию.

Дружинники уже знали, что им придется делать, но Владимир еще раз объяснил.

Речь его была коротка:

– Братья, нами давно решено обратить народ в христианство. Народ не хочет отказываться от веры в старых богов. Поэтому для успеха завтрашнего дела надо лишить их пред-

метов древнего обожания – сокрушить старых кумиров, так чтобы от них не осталось и следа. Надо все сделать быстро. Пока они будут в изумлении и расстройстве лить слезы, мы их загоним в воду и окрестим. А кто не захочет – тех плетями и палками.

Глава 11

После объявления плана действий дружина отправилась к святилищам на Перуновой горе.

Часть – на конях. Часть – пешком.

Святилище никто не охранял. Никто и не предполагал, что оно может быть уничтожено. Даже печенег, осаждавшие десять лет назад Киев, не посмели нарушить покой чужих богов.

Дружинники ворвались в святилище, словно ураган. Одни накидывали на деревянные статуи веревки, валили их на землю. Другие рубили их топорами. Третьи обкладывали сухой травой и поджигали.

Княжичи присоединились к дружинникам.

Статую Перуна, главного из богов, свалив на землю, сначала били палками.

Волхвы, что жили рядом со святилищем, попытались облагородить дружинников, но их плетями отогнали от низвергнутого и оскорбленного кумира.

Лица старых волхвов окаменели. Брови гневно нависали над огненными глазами.

Рядом с ними начал собираться народ. Послышались возмущенные возгласы.

Владимир сказал Добрыне, чтобы тот принял меры для охраны дружинников, если народ попытается напасть на них.

Вскоре на склоне горы выстроилась цепь воев с копьями наготове.

Убедившись, что охрана построена, Владимир, подъехав ближе к толпе, объявил:

– Видите – мы свергли Перуна, и он ничего не может сделать нам. Христианский Бог сильнее! Завтра утром все горожане, вельможи и рабы, бедные и богатые, чтобы шли на реку креститься в новую веру. Кто не примет новую веру, того на первый раз будут бить палками. А кто будет упорствовать, того будем казнить – топить в реке или жечь огнем!

Из толпы послышались крики и плач.

Владимир обратился к Добрыне умышленно громким голосом:

– Объяви об этом в городе. Чтобы каждый знал.

Затем Владимир подал знак. Дружинники веревкой привязали статую Перуна к конскому хвосту и с гиканьем потащили его с горы.

Дотасив до берега, божество столкнули в воду.

Иссушенное многими годами дерево не тонуло. Ветхий фетиш качался на поверхности воды, перевернувшись ликом вверх. Казалось, что он мокрым от слез лицом с надеждой смотрел в синее небо, где жили те, кого он олицетворял.

Однако древние боги молчали.

Может, они, занятые своими делами, как всегда, не хотели слышать людей. Люди существа вздорные – их желания часто противоположны. Но когда их мольбы не сбываются

– ведь невозможно сразу всем угодить, – то люди вымещают свое недовольство на неповинных предметах. Истуканов били палками и плетями, рубили и сжигали – обычное дело для того, кто считает себя равным богам.

Всемогущие боги не поняли, что на этот раз происходит нечто необыкновенное – из земли выкорчевывали не деревянные столбы, а всю прежнюю жизнь, цивилизацию, созданную десятками тысяч лет.

Мстислав заметил, что лишь Святополк стоял в стороне и наблюдал за происходящим с задумчивым видом, и ему почему-то стало стыдно и за себя, и за остальных. Ему хотелось что-то сделать, чтобы спасти несчастных богов.

Он отошел в сторону от беснующихся дружинников и подошел к Святополку.

– О чем думаешь, брат? – спросил его.

Святополк повел на него взглядом, в котором читались печаль и сожаление.

Мстислав стал оправдываться:

– Князь должен быть с дружиной.

– Да, – проговорил Святополк.

– Почему же ты меня жалеешь? – спросил Мстислав.

– Я не тебя жалею. Я жалею народ, – сказал Святополк.

– Почему же ты жалеешь народ? – удивился Мстислав.

– Потому что, чтобы уничтожить народ, надо уничтожить его веру, – туманно проговорил Святополк.

Мстислав, не поняв его рассуждений, лишь пожал плеча-

МИ.

Глава 12

Отстояв утреню, Аделина направилась было домой, но на выходе из церкви ее подхватила за локоток Юлия.

– Княгиня Аделия, погоди!

Ее печальная судьба была всем известна.

Великий воин Святослав, увидев прекрасную греческую монахиню, похитил и привез ее в Киев, как самую ценную добычу. Он подарил ее любимому сыну.

Князь Владимир, влюбившись в Юлию, презрев людские обычаи и честь рода Рюрикова, взял жену убитого им брата в наложницы.

Юлия была несколько старше Аделины. Ее красота иного рода. Она была красива, словно греческая богиня любви Афродита.

Но, как и богиня, обладала скверным характером: горда как горный пик; холодна словно лед и властна без меры. Ее черные глаза горят жарким огнем. Она подобна розе – яркому цветку с острыми колючими шипами, ранящими плоть при неловком движении.

У великого князя почти тысяча наложниц, но княжна не была одной из них.

Когда Владимир взял беременную жену брата в наложницы, это вызвало осуждение дружины – даже по тем грубым временам поступок считался непозволительным. Что-

бы сгладить недовольство, пришлось Владимиру обеспечить жене брата достойное ее статусу положение, а затем объявить рожденного ей ребенка своим сыном.

Хоть и невелика разница между женой и наложницей, однако Юлия заняла место среди жен.

– Будь здорова! – ответила Аделина.

Юлия повлекла ее в сторонку к лавочке под кустом сирени. На слуганок, потянувшихся за ними хвостом, строго шикнула: дайте поговорить! – и те отстали.

Сев на лавочку, Юлия поинтересовалась:

– Как тебе спалось, княгиня?

Аделине показалось, что по алым губам Юлии скользнула едва заметная усмешка. Она поправила ладонями платье на коленях и уклончиво проговорила:

– Хорошо!

– Да? А отчего же у тебя глаза красные? – подчеркнуто удивленно проговорила Юлия. Ответа дожидаться не стала. – Странно, что ты хорошо спишь, когда во дворце содом и гоморра.

– Ты его ненавидишь! – сказала Аделина.

– А кто его любит? – спросила Юлия. – Рогнеда, которую он насиловал на глазах отца и матери, а затем убил всю родню?

– Такова женская доля. Иисус терпел и нам велел терпеть, – сказала Аделина. – Его любит только Олава.

– Зря она надеется на ответную любовь, – сказала Юлия. –

Олава уже старуха. А Владимир любит молоденьких.

– Но мы-то еще молоды, – заметила Аделина. – А что будет завтра? Стоит ли об этом загадывать?

– Конечно, гадать о завтрашнем дне не стоит. Как Бог даст, так он и сложится, – сказала Юлия.

– Я слышала, что Владимир принял от греков веру? – спросила Аделина.

– Добыл мечом, – с насмешкой поправила Юлия.

– Вера стоит на любви к людям, сострадании к слабым – ее нельзя добыть силой, ее можно принять только душой, – возразила Аделина.

– Душой? – По губам Юлии вновь скользнула насмешка. – Бог дает власть избранным. Он дает ее только тем, кто способен перешагнуть человеческие заблуждения и слабости. Сильные пишут законы для слабых, и слабые обязаны их исполнять. Ибо простой человек – всего лишь раб другого человека. Сильный человек никому ничего не обязан, потому что он Божий избранник, а потому его устами говорит сам Бог.

Аделина на секунду задумалась, пытаясь вникнуть в смысл слов, но, так и не поняв сказанного, поинтересовалась:

– Говорят, Владимир привез новую жену?

Юлия кивнула головой:

– Ты в Киеве не так уж и давно, потому всего не знаешь. Киевские князья всегда враждовали с греками. Однако после победы Владимира в борьбе за великокняжеский трон отно-

шения начали меняться – власть Владимира над свободолоубивыми племенами опиралась на силу. Подкрепить свое положение Владимир решил с помощью единой веры. Вначале он попытался опереться на языческих богов – но это не дало результата, так как боги славян – не господа над ними. Тогда Владимир с боярами ознакомился с иными верами и пришел к мнению, что самая лучшая – греческая. В это же время император Василий столкнулся с большими проблемами – в войсках возник мятеж среди военачальников. Сначала восстал командующий восточными армиями империи Варда Склир. Для борьбы с ним Василий направил бывшего мятежника Варду Фоку, популярного в войсках. Однако тот, одержав победу над Вардой Склиром, провозгласил себя императором. В начале позапрошлого года мятежные войска подошли к Константинополю, от которого их отделял только пролив Босфор. Одновременно с этим болгары опустошали владения Византии на западе. Василий отчаянно нуждался в военной помощи. Узнав о желании киевского князя Владимира принять греческую веру, Василий поторопился послать послов в Киев. И заключили они договор о союзе, согласно которому Владимир женится на сестре императора Анне. Узнав о договоре, Варда Склир ушел в Корсунь, который и захватил Владимир. Там Владимир дождался Анны. Был крещен по греческому обычаю и привез греческих священников, мощи святых, иконы, всякую утварь и медные статуи.

– И где же он будет это держать? – спросила Аделина.

Юлия бросила на Аделину любопытствующий взгляд:

– Ты разве ничего не знаешь?

– А что я должна знать? – Щеки Аделины порозовели. – Я, после того как вернулся Владимир, уже вторую неделю не выхожу из палат.

– Ага! – кивнула Юлия. – Предстоят великие дела. Сегодня князь с дружинниками отправился крушить кумиры на Перуновой горе. А завтра будет крестить народ в реке. На месте языческих кумиров будет поставлен храм.

Аделина перекрестилась и испуганно промолвила:

– О Господи, чудны Твои дела – руками варвара творятся дела во славу Твою!

Юлия встала:

– У меня возок подготовлен. Так поедешь со мной смотреть, что будет происходить на Перуновой горе? Я ведь, собственно, это и хотела спросить.

– Не поеду, – отказалась Аделина.

– Отчего же? – спросила Юлия.

Аделине показалось, что по губам Юлии пробежала едва заметная улыбка.

– Знаешь, Юлия, я стала бояться закрытых комнат... – проговорила вполголоса Аделина.

– Что случилось? – удивленно спросила Юлия.

– У меня стоит перед глазами та несчастная девушка, что назвалась царевной. У меня в ушах слышится ее плач, – сказала Аделина.

– Да, эта бедолага пострадала невинно, – согласилась Юлия. – Ведь она не по своей воле назвалась царевной. Владимир поступил очень жестоко. Но он такой человек. Для него люди, что скот.

Аделина бросила встревоженный взгляд на Юлию и задала вопрос:

– А что, если он так поступит с кем-либо из нас? Ведь ему все равно, кто перед ним.

– Ты права. Он убил моего мужа и объявил меня наложницей. Он силой взял Рогнеду и убил ее родню. А после приказал ей зваться Гореславой. Вчера он казнил греческую девку. А что ждет нас завтра? – задала вопрос Юлия и сама же на него ответила: – Несложно догадаться. Он привез новую жену – греческую царевну. Анна поставила условие, что Владимир примет христианство и будет придерживаться христианских обычаев. А по христианским обычаям у него должна быть только одна жена.

По щекам Аделины побежали алые пятна.

– Ты думаешь?.. – пробормотала она.

– Я пока ничего не знаю.

– Но что нам тогда делать?

– Не знаю, – холодно ответила Юлия. – И знать мне незачем! Я только наложница...

Аделина опасливо оглянулась – рядом никого не было.

– Если бы он умер... – едва слышно пробормотала она.

Юлия накрыла ладонью руку Аделины и тихо проговори-

ла:

– Не отчаивайся. Все в Божьей воле. Все наладится.

Глава 13

Солнце медленно тонуло в сизой дымке. Подкрадывающаяся ночь осторожно, но неумолимо лизала землю длинной призрачной тенью. Тень тянулась из леса к белостенным хаткам с золочеными соломенными шапками.

Сады уже потускнели.

В кронах запели соловьи, но деревенские ласточки-касатки еще резали наливающееся синевой небо, хватая поднимающуюся теплым воздухом мошкарю. В соломенных крышах нетерпеливо попискивали вечно голодные птенцы, и ласточкам было не до отдыха.

Старшие братья сидели за столом. Лица их были красны.

На столе перед ними стоял кувшин с медовухой. Рядом с ним блюдо с пирожками, блюдо с зеленым луком и огурцами.

На столе у печи лежала грязная посуда. Как видно, братья уже поужинали, не став дожидаться Тишки.

– Ты опять опоздал! – зло проговорил Андрей. – Я предупреждал тебя, что если опоздаешь, то можешь совсем не приходить.

– Я ужинать не буду, – сказал Тишка.

Андрей недовольно проговорил:

– Торопишься на гулянку?

Андрей после того, как объявил братьям, что им необходимо уехать из деревни, стал раздражителен. Он и раньше

не любил, когда ему возражали, а на каждое слово цеплялся, слово старый репей.

Он мрачно поглядывал на младших братьев. Денис отказывался уезжать из деревни, а Василий не торопился ехать в Чернигов.

Но им палец в рот не клади – откусят! Мужики крепкие и хваткие. Поэтому все шишки доставались самому младшему.

Тишка ничего не ответил.

Его цель была сума с его добром. Сума висела на гвозде над сундуком.

Бочком придвинувшись к сундуку, Тишка ловко подхватил суму и устремился к выходу. Когда проходил мимо печи, Радмила – добрая душа – жалела Тишку – сунула ему в руки сверток.

– Тишка, погоди! – послышался вдогонку голос Андрея, но Тишка и не подумал задержаться. Он выскочил из хаты, только дверь хлопнула.

– Ну, погоди, все равно вернешься! – донеслась до него угроза брата.

– Ага! Щас! – язвительно пробурчал Тишка. – Только вернись – до утра не отпустишь.

Во дворе к Тишке подошла большая собака и лизнула ему ладонь.

– Не до тебя, Полкаша, – сказал Тишка и направился в конюшню.

В конюшне было сумрачно, но еще недостаточно темно, чтобы зажигать огонь. Тишка не хотел зажигать огонь, так как огонь мог привлечь внимание братьев, если бы кто из них вздумал проследить за ним.

Тишка поставил суму на крышку клетки с овсом. Рядом положил сверток. Он открыл суму, и из нее пахнуло мятным запахом – содержимое сумы было переложено сухой мятой.

Сума была почти пуста. В суме хранилась хорошая одежда, завернутая в чистый рушник, – шляпа, рубаха и штаны. На дне сумы – пара сапог.

Вынув одежду, Тишка стал переодеваться.

Кони косили на подростка фиолетовыми глазами, и, шелевя мордой сено, тихо пофыркивали.

Надев хорошую одежду, Тишка сложил в суму рабочую одежду. Посмотрел на сверток – в свертке должны были быть пирожки – и положил в суму.

Затем отнес суму в угол конюшни, где лежала огромная куча сена. Разгреб в сене яму и положил в нее суму. Забросал яму сеном, разровнял и вышел вон.

Тишка торопился на вечерку.

Из-за околицы доносилось треньканье гуслей.

Лето в деревне горячая пора – работа от зари до зари. Но как только солнце нависает над горизонтом, работы завершаются и наступает время отдыха. Мужики и бабы, поужинав, выходят на лавочки, где ведутся солидные разговоры.

Легкомысленная холостая молодежь стекается на поляну

за околицей. Там музыка, песни, хоровод.

За воротами на лавке сидел Первинок.

– Тиша, ты чего задержался? – спросил Первинок, поднимаясь с лавки.

– Андрей задержал, – сказал Тишка. – В последнее время он стал сильно придирается ко мне.

– И пусть.

– Что пусть?

– Пусть придирается. Зато у тебя есть родня и дом. – Первинок вздохнул. – Я бы согласился иметь родню, хотя бы меня пороли каждый день кнутом.

– Не-е, – сказал Тихон. – Ты посмотри – Андрей гонит братьев из деревни. Васька обещает уехать, но не торопится. А Денис вообще отказывается. Хоть и говорит Денис, что оставит кузнечное ремесло, однако нельзя ему верить. Кто, владеющий мастерством, откажется от него? А трех кузнецов для деревни слишком много. Теперь они ссорятся каждый день. А немного погода и я стану для них соперником. Скоро они будут делиться. Начнут делиться – мне ничего не достанется. Как старшие, они возьмут себе всё, а меня оставят при Андрее. А что будет дальше? Андрей – хозяин. Не получится ли так, что я стану вечным работником у него. Нет, воля лучше. Не хочу я быть робичем.

– А что же ты можешь сделать? – спросил Первинок. – Ты ничего не можешь сделать – так уж положено твоей судьбой.

– Да кто же знает свою судьбу... – проговорил Тишка. –

Вот возьму и через пару лет наймусь к какому-либо боярину в вой. А там, может, и дружинником стану.

Первинок даже остановился.

– В вой? В вой всех берут. Но воям мало платят. В дружине другое дело. Да только в дружину пробиться нелегко. Для этого нужна протекция кого-либо из дружинников. Чужих в дружину берут неохотно. Тиша, у тебя есть знакомые дружинники?

– Нет. Но я сильный и храбрый.

– Таких много. В воях застрянешь надолго и рано или поздно погибнешь в каком-либо сражении.

Тишка рассердился:

– Что ты скулишь?! А разве лучше быть пастухом?

– А что? Летом пастухом хорошо – тепло, под каждым кустом дом. А захочется есть – грибы, ягоды. Да подои любую корову. Зимой плохо, – сказал Первинок. На некоторое время замолчал. Потом проговорил: – Но всю жизнь пастухом не будешь. Ни жены, ни детей не завести. А другого ремесла я не знаю. Я еще мал, но через пару годов придется мне уходить.

– А давай вместе уйдем? – предложил Тишка. – Вдвоем веселее счастье искать.

Первинок покачал головой:

– В вой мы еще малы. И куда мы пойдем? Что есть будем?

– Не пропадем, – сказал Тишка. – Я же не зову сегодня уйти. Подумаем. Может, на следующий год и уйдем. Я уже

многое по кузнечному делу могу делать. Могу и лошадь подковать. А за год я еще подучусь ремеслу, тогда любой хозяин меня с руками возьмет.

Подростки вышли за околицу.

На поляне парни таскали дрова для костра.

В окружении девиц на бревне сидел музыкант в красной рубахе и шляпе с белой лентой. За ленту заткнут василек. На его коленях лежали гусли. Он с показной небрежностью перебирал струны, подбирая мотив.

Тишка присоединился к парням, таскавшим хворост для костра. Таская сушняк, он нетерпеливо поглядывал на тропинку из деревни.

– Скоро придет, – сказал Первинок.

Первинок знал, кого ждет Тишка.

Владке, как и Тишке, было двенадцать лет. Личико овальное. Волосы рыжие, заплетены в две тонкие косички, торчащие из-под платка, словно мышьи хвостики. Она была тонка и изящна, словно тростинка, но сорочка на груди уже набухла.

По обычаю, девица считалась готовой для замужества в четырнадцать лет. К шестнадцати годам она считается уже засидевшейся девкой.

Парень только к шестнадцати годам становится женихом.

Тишке еще далеко было до брачных уз. Вряд ли он мог рассчитывать, что сможет взять Владку в жены.

Но что-то тянуло его к этой девушке.

Натаскав свою долю дров, Тишка и Первинок встали в сторонке. Первую роль на вечерке играли парни постарше. Вечерка для них была уже не игрищем. Они были женихи и высматривали невест.

– Вон, идет! – Первинок толкнул Тишку в бок.

Владка пришла с подружками. Они сразу подошли к музыканту.

Девичья кучка рассыпалась смехом. Музыкант ударил по инструменту пальцами, и одна из девиц разразилась частушкой.

Тишка направился к Владке.

Владка улыбнулась и кивнула ему.

Тишка хотел заговорить с ней, но перед ним встал Данка, сын Говена.

Тишка попытался его обойти, но Данка снова загородил дорогу.

– Ты чего? – спросил Тишка.

– Не подходи к ней, – сказал Данка.

– И что – мне слова нельзя ей сказать?

– Нельзя!

Тишка заметил, что, почуяв ссору, к ним начали подтягиваться парни.

– Почему?

– Потому!

– Кто ты такой, чтобы запрещать?

– Я на нее глаз положил.

– И что?

Данка усмехнулся:

– Давай отойдем – все объясню.

Тишка взглянул на Владку. Владка пела, подперев щеку кулачком и держа пальчик у щеки.

– Тиша, не связывайся с ним, – прошептал Первинок на ухо Тишке. – Он сильнее тебя.

Окружающие с интересом смотрели на Тишку. Данка был известным забиякой и умелым бойцом. В кулачных боях все обычно старались попасть на его сторону.

Глава 14

– Что – боишься?! – засмеялся Данка.

Данка был на четыре года старше Тишки, а потому выше чуть ли не на голову, и казался на внешний вид сильнее.

– Чего это? – спросил Тишка.

– А чего стоишь?

– Пошли! – сказал Тишка.

На поляне отношения не выясняли, поэтому Тишка, Данка и зрители зашли за большой куст сирени. Здесь была большая вытоптанная площадка.

Зрители встали кругом. Внутри оказались соперники. Они начали готовиться к драке. Сняли рубахи, чтобы не испачкать их и не порвать, и сложили на траву.

Старший из парней, выступивший в качестве судьи, проверил ладони соперников, чтобы в них не было посторонних предметов.

– Драться будете до первой крови. Ниже пояса не бить. Не бить по затылку, – предупредил он и дал сигнал. – Сходитесь.

Тишка и Данка сделали по шагу навстречу, остановились и по обычаю, чтобы расpalить себя, начали осыпать друг друга оскорблениями.

Наконец Данка не выдержал и бросился на Тишку. Он метил ему в голову.

Но он слишком широко замахнулся, поэтому Тишка лег-

ко уклонился от удара – он сделал шаг в сторону, и Данка провалился. Тишка добавил легкий тычок в плечо, и Данка потерял равновесие и едва не упал.

Тишка понимал, что Данка сильнее его и опытнее: сейчас он допустил ошибку, торопясь поскорее закончить драку, но у него в запасе множество проверенных приемов, поэтому рано или поздно он нанесет опасный удар.

Чтобы избежать поражения, надо было что-то предпринять необычное, такое, что сразу лишит соперника способности продолжать поединок.

Напрашивалось логичное действие – надо было попасть в одно из уязвимых мест.

Времена были опасные. Население должно быть готовым в любой момент встать на защиту родных домов. Поэтому все умели пользоваться холодным оружием, стрелять из лука, биться без оружия.

Умения проверялись в ритуальных кулачных боях.

Таким образом, уязвимые места на теле человека были хорошо известны.

Тишка подумал, что, чтобы обездвигить такого крепкого парня, как Данка, надо было попасть в одно из уязвимых мест на лице – от прямого удара в челюсть, даже не очень сильного, человек мгновенно теряет сознание. Но это знал и Данка, поэтому было бы чудом, если бы Тишка попал в челюсть.

Другим уязвимым местом была щека, где находился че-

люстной сустав.

От косых ударов человек защищается хуже, чем от прямых. Поэтому Тишка наметил именно этот прием.

Данка, пританцовывая с ноги на ногу, прощупывал оборону соперника короткими прямыми ударами.

Тишка осторожно отбивал их.

Удары следовали беспрерывно с четкой периодичностью – словно отбивал колокол. Тишка понял, что Данка решил измотать его, а когда тот устанет и потеряет осторожность, нанесет мощный удар, который и поставит точку в поединке.

Тишке надо было перехватывать инициативу. Он начал опускать руки, словно от усталости.

Удары Данки стали повторяться чаще. Он явно готовился к нанесению мощного удара. Это и надо было использовать.

Наконец Тишка решился – он опустил руки на грудь.

На губах Данки вспыхнула зловещая улыбка, и он вложил всю силу в удар. Удар был слишком быстрым.

В грудь Тишки поднялся холодный комок.

Но некогда было переживать. Давно заученным движением Тишка поднырнул под руку Данки, затем нанес удар сбоку в лицо.

Громко икнув, Данка клюнул вперед и упал в куст сирени. Тишка замер.

Данка не шевелился.

Немного подождав, парень, взявший на себя роль судьи, подошел к поверженному бойцу и перевернул его.

– Он умер! – изумленно воскликнул парень.

К нему бросились остальные.

А Первинок схватил Тишку за руку и потащил в сторону леса. Растерявшийся Тишка послушно последовал за ним.

Глава 15

Протащив Тишку пару сотен шагов по кустам, Первинок остановился около большой ели и склонился, упершись руками в колени. Запыхавшись, он тяжело дышал.

– Ты зачем меня сюда притащил? – спросил Тишка.

– Затем! – сказал Первинок и выпрямился. – Если ты и в самом деле убил Данку, то тебе придется плохо.

– Я его не хотел убивать... – сказал Тишка. – Мы бились в честном бою. Это все видели.

– И что? Все знают, что вы давно враждовали. И кто тебе сейчас поверит?

– Убийство преследуется мстью... – сказал Тишка и вздохнул. – У Говена брат – сельский тиун. Никто не захочет идти против тиуна – скажут всё, что он захочет.

– Тиун на суде назначит виру! – сказал Первинок. – Говен жадный, он не захочет мстить, ему нужны деньги. Вира за убийство смерда – двенадцать гривен. Тиша, разве у твоих братьев не найдется столько? Хозяйство у вас богатое.

– Это не легче. Тиун сам назначает виру. Он назначит такую виру, что разорит все наше хозяйство. А братья к зиме собрались заводить собственные хозяйства. И на что им тогда будет ставить хозяйство? Или в закупы идти?

– Все равно тебе негде больше взять денег на виру. Разве продаться в холопы...

– Разницы никакой – если братья заплатят виру, то мне придется ее отрабатывать всю жизнь, – сказал Тишка, почесал затылок и задумчиво задал вопрос: – И что же теперь мне делать?

Первинок проговорил:

– Получается так, что тебе надо бежать.

– Меня все равно найдут.

– Если ты поступишь в рядовичи к боярину, то никто тебя не тронет. Ты же сам хотел уйти, – напомнил Первинок.

– За меня спросят братьев, – сказал Тишка.

– Братья заплатят за тебя виру. А ты им отдашь деньги потом, когда добудешь, – сказал Первинок.

Тишка вздохнул. Поморщил лоб и проговорил:

– Я вот что думаю – надо не просто бежать, чтобы устроиться в слуги к какому-либо боярину, надо идти к самому великому князю за правосудием.

– Великий князь далеко.

– Он, ходят слухи, уже месяц в Киеве.

– Не знаю, не знаю, – с сомнением покачал головой Первинок. – Князь судит, только когда дело касается больших мужей и больших денег. Для таких, как ты, – тиуны.

– По Правде каждый может обратиться за правосудием к великому князю, и он не может никому отказать, – сказал Тишка.

Первинок не захотел спорить с другом. Он сказал:

– Но об этом рано говорить. Сначала я схожу в деревню

и узнаю, в самом ли деле Данка умер. А то, может, и беспокоиться не о чем.

— Сходи, — сказал Тишка. Он сломал ветку и отмахнулся от комаров. — И рубаху принеси. Только поскорее, а то комары съедят меня.

— Я быстро, — сказал Первинок.

Он ушел.

Тишка сел на пень. Но вскоре встал, так как комары повисли над ним облаком, и стал ходить вокруг ели. Еловые лапы нависали шатром.

В голову Тишке пришла мысль, что если он соберется уходить, то ему следовало бы забрать суму, в которой хранилась одежда.

Защемивший в желудке голод напомнил: и кусок пирога. А по уму надо было бы взять запас пищи побольше. И оружие. В дорогу нельзя идти без еды и оружия.

Но домой было опасно — в деревне вести разносятся быстро. Но Тишке в голову пришло, что двор их стоит на отшибе и Андрей и все остальные должны были уйти в деревню, чтобы разобраться в происшествии.

Таким образом, на дворе оставался только Полкан. Но собаку не касались человеческие дела.

Так как надо было забрать все необходимое до возвращения братьев, то Тишка поспешил на двор.

На дворе в самом деле было тихо.

Тишка забежал в конюшню, взял суму и собрался было

уходить, но перед воротами остановился и вернулся в кузницу – там взял топорик. Может, он взял бы еще чего-либо, но за воротами послышались голоса, и, не желая попадаться на глаза братьям, Тишка перелез через ограду и скрылся в лесу.

Первинка на месте, где они должны были встретиться, еще не было.

Тишка надел рубаху и стал ждать.

Возвращение приятеля задерживалось. Сумерки стали гуще, и от этого на душе Тишки появилось чувство тревоги. Он один в лесу. И почти безоружен – топорик слабое оружие.

Летом хищные звери не нападают на людей, потому что дичи вдоволь. Но рядом могло оказаться логово зверя – в период выведения потомства звери не любят чужих.

Однако вскоре в кустах послышался шум.

Предполагая, что это могли искать его посланные из деревни люди, Тишка спрятался под ель. Здесь было совершенно темно, как в пещере, и душно, и, очевидно, поэтому шатер под елью был любимым местом для комаров, так как тут их было еще больше, чем снаружи.

Тревога Тишки оказалась напрасна. Первинок, приглушая голос, звал:

– Тиша, ты где?

Тишка раздвинул ветви и вышел.

На плечах Первинка был тулупчик. В руке у него было копьё и лук. На боку висел колчан со стрелами.

– Рубашку принес? – спросил Тишка.

– Принес, – сказал Первинок и подал Тишке сверток. Тишка положил рубашку в суму.

– А где шляпа? – спросил.

Первинок подал шляпу и поинтересовался:

– Откуда у тебя рубаха и сума?

– Домой бегал. Хорошую одежду надо сберечь, чтобы перед великим князем предстать прилично. О людях судят по одежке, – сказал Тишка и задал вопрос: – А что все же с Данкой?

Ответ не порадовал его.

– Дело плохо. Он и в самом деле умер. Ты его ударил в висок, – сообщил Первинок.

– Я не хотел бить его в висок. Это нечаянно. Я метил ему в скулу, – сказал Тишка.

– А попал ему в висок, – сказал Первинок. – Там все сердятся. Тиша, если ты попадешься под руку Говену, то он точно прибьет тебя. Тебе надо уходить. Пусть сначала все утихнет.

– Не думал я, что так судьба обернется, – проговорил Тишка. Бросил взгляд на Первинка и задал ему вопрос: – Ты идешь со мной?

– Иду, – сказал Первинок. – Дома у меня нет. И друзей, кроме тебя, нет. Так что мне все равно тут нечего делать.

Глава 16

Так как настоящие имена богов людям неизвестны, то они сами дали имена богам. А раз так, то разумные люди рассудили, что от перемены названий богов суть их не меняется. И жизнь течет в прежнем направлении – люди все так же должны сами заботиться о пище для тела. А когда они будут сыты, им можно будет подумать и о пище для ума.

А глупых людей никто не слушает.

Через несколько дней шум, связанный с обращением киевлян в новую веру, утих, и люди занялись повседневными делами.

Юлия с сыном Святополком обычно лето проводила в Вышгороде. Среди сочувствующих ей горожан она чувствовала себя спокойнее.

Однако разговор с Аделиной не выходил у нее из головы.

Убеждала она Аделину, что не стоит заглядывать в будущее, и не верила своим словам.

А как же было верить?

Сын Олавы от Владимира Изяслав чуть старше Святополка. А второй ее сын, Вышеслав, ровесник Святополку и даже младше. Младше Святополка и дитя Рогнеды Ярослав, и старший сын Аделины, Мстислав.

И что произойдет, когда придет время Владимиру передавать детям свое наследство?

Не все, конечно, доживут до этого времени. И даже может случиться так, что Святополк останется старшим среди них...

Хотя Владимир и признал Святополка своим сыном, но не верила Юлия, что он легко отдаст киевский стол чужому по крови.

Многое видела за свою, пусть и недолгую жизнь княгиня и знала, что у властителя самый злой враг – его родня, имеющая право на трон. Поэтому с такой ожесточенностью и резали отцы детей, дети – отцов, братья – друг друга. Чтобы взойти на киевский стол, Владимир убил своих братьев. Та же судьба ждет и его детей. Поэтому, пытаясь уберечь единственного сына от дворцовых интриг, Юлия старалась держаться подальше от Киева.

Отъезд намечался на утро. Но вечером пришла посланница от новой жены Владимира с просьбой навестить ее.

Юлии самой не терпелось поговорить с Анной.

Далека столица Византии, но в Киеве прекрасно знали о происходящих там делах – вести приносили и купцы, и воины, состоявшие на службе императора.

По запутанной македонской родословной Юлия и Анна приходились родственницами, поэтому Анна могла рассказать ей то, чего не скажет ни один купец.

Казалось, это были мелочи. Кто с кем породнился. У кого кто родился. Кто с кем поссорился. Кто во что одевается.

Но как раз именно такие мелочи ценны для женщины, по-

кинувшей родительский дом, так как дают иллюзию связи с ним.

Отъезд был решительно отложен.

С утра Юлия размышляла о том, в каком наряде она предстанет перед Анной. Перед ней стоял трудный выбор.

С одной стороны – она княгиня, жена, пусть и погибшего, князя. Поэтому наряд должен соответствовать статусу.

Но с другой стороны – она наложница, женщина подневольная.

Сомнения Юлии закончились тем, что вспомнила, что жены князя не так уж и свободны, как это может показаться со стороны: шли замуж за Владимира не по своей воле. А кто, как Рогнеда, и через насилие. Анна и сама жертва политического расчета. Да и кто она? Хотя и была багрянородной, однако она дочь той самой императрицы Феофано, дочери харчевника, проститутки и ругательницы!

Дед Анны, император Константин, написал для сына трактат «Об управлении империей», в котором указал: «Если когда-либо какой-нибудь народ из этих неверных и нечестивых попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, то есть дочь получить в жены либо выдать свою дочь василевсу ли в жены или сыну василевса, должно тебе отклонить и эту их неразумную просьбу. Поскольку каждый народ имеет различные обычаи, разные законы и установления, он должен держаться своих порядков и союзы для смешения жизней заключать и творить внутри одного и того же народа».

Юлия усмехнулась: Константин забыл упомянуть в наставлении сыну, что император не может взять в жены проститутку, — это его и сгубило.

«Многие ромейские императоры были отнюдь не благородной крови, — простыми крестьянами, солдатами. А их жены не самыми достойными и родовитыми женщинами. Поэтому лучше не вспоминать родословные ромейских императоров, иначе может вскрыться такое, что и сама рада не будешь», — благоразумно подумала Юлия, успокоилась и оделась так, как ей самой нравилось — в тона спокойного цвета, с малочисленными, но дорогими украшениями.

Глава 17

По принятому порядку Владимир селил жен по окрестным селам, но на княжеском дворе у каждой был свой угол – огороженная изба с небольшим садом. Выделен такой терем был и новой жене.

После полуденного отдыха Юлия отправилась к Анне. Анна уже ожидала ее в горнице.

Юлия отметила в ее одежде новые детали, свидетельствующие о том, что мода при византийском дворе совершила новый вираж.

Понравились украшения на Анне – они уже стали не так тяжелы, как прежде, приобрели легкий вид. Видно, теперь их цена была не в весе драгоценного металла, а в тонкой работе создавшего их мастера.

Анне было уже двадцать семь лет. Как и Юлия, она была черноволоса, смугла. Ухоженное лицо приятно. Глаза большие, карие.

Юлия вспомнила, что отец Анны имел армянские корни. На взгляд Юлии, Анна была толстовата.

«Она привлекательна, но не красива», – с удовлетворением оценила ее внешность Юлия.

Понятно, Владимир взял Анну не за красоту, а из желания заключить династический брак с империей, считающейся центром мира.

В свою очередь Анна ревниво оценила родственницу.

С Юлией она была почти одного возраста. Но на родине они никогда не встречались. Юность Юлии прошла в уединенном монастыре, а затем князь Святослав захватил ее и увез.

Конечно, Юлия была намного красивее Анны – только из-за необыкновенной красоты киевский князь взял ее в жены. Но Анна понимала, что Юлия не была ей соперницей – она наложница и ничто не могло изменить ее судьбы.

Анна даже почувствовала жалость к Юлии и, когда формальная процедура знакомства подошла к концу, предложила ей перейти в сад.

Сад уже отцвел. Ажурное великолепие, покрывавшее сад снежным покрывалом, осыпалось. Среди скошенной травы с трудом можно было рассмотреть пожелтевшие останки цветов. Но там, где был цвет, завязались плоды – малахитовые кроны покрылись изумрудными россыпями.

На колючих кустах шиповника, робко прислонившегося к стене, раскрылись девственно-розовые цветы.

Сквозь грубый запах скошенной травы, заполнявший сад, тонко сочился чувственный аромат дикой розы.

Под старой яблоней, опускавшей ветви шатром, стоял стол. На столе кувшин с вином, стаканы багрового стекла, чаша с фруктами. В чаше: янтарные персики; черная, с густым рубиновым оттенком, черешня; румяные, точно щеки юной девы, яблоки.

В саду разговор пошел раскованнее.

Сначала Юлия интересовалась здоровьем братьев-императоров Константина и Василия.

Анна оглянулась, словно опасаясь, что ее могли подслушать, но рядом никого не было. Служанка сидела на лавочке в стороне, готовая выполнить желание княгинь.

Заметив в глазах Анны нерешительность, Юлия проговорила:

– Анна, так уж случилось, что нас, ромейских принцесс, судьба свела вдали от родины, в стране варваров. Мы обе истинной веры. Думаю, Бог не зря нас свел – мы должны поддерживать друг друга.

Анна кивнула головой, наклонилась к Юлии и начала тихо рассказывать:

– Недавно Василий отстранил от власти старого интригана – евнуха Василия Лекапена, паракимомена, который был первым министром при нескольких предшествующих императорах.

– За что?

– Лекапен слишком откровенно оказывал поддержку изменнику Варде Фоке. Когда это вскрылось, Василий отстранил его от власти.

– Варда Фока – племянник императора Никифора Фоки, – заметила Юлия и отметила: – Но дело хорошее сделал Василий. Лекапен много зла сделал – он первый заговорщик. Я думаю, смерть Иоанна Цимисхия его рук дело.

– Все так думают. Он его отравил, когда Цимисхий выступил против него, – кивнула головой Анна.

– Надеюсь, его бросили на съедение львам? – спросила Юлия.

– К сожалению – нет. Василий только отправил его в ссылку, – сказала Анна.

– Жаль. Я бы этой гадиной накормила львов, – проговорила с сожалением Юлия.

Анна тихо рассмеялась:

– Он побоялся, что львы отравятся.

Юлия улыбнулась и поинтересовалась:

– Ну а Василий что?

– Он перестал бражничать и превратился в монаха – ведет аскетическую жизнь. Войско заботит его больше, чем собственное благополучие. К его разочарованию, с военачальниками беда. Беда обычная: те, что талантливы – ненадежны, каждый сам метит в императоры, а те, что надежны – бездарны.

– Значит, не женился?

– И даже не завел наложниц. Ничего не известно и о каких-либо других связях с женщинами, хотя многие мечтали бы стать его подругами.

«Н-да, Василий характером пошел в свою мать...» – мелькнула мысль в голове Юлии. Но спросила другое:

– А дети? Дети есть у него?

– Какие уж тут дети? – удивилась Анна. – Хуже всего, что

он не только не заботится, чтобы обзавестись семьей, но не думает устраивать судьбы родни. Дочери Константина в отчаянии. Евдокия постриглась в монахини. Зоя и Федора думают о том же.

– Плохо дело, – проговорила Юлия. – А что же Константин?

– Константин в дела Василия не вмешивается. Он сильно пьет, – сказала Анна, и на ее щеку выкатилась слеза.

Юлия накрыла ее ладонь своей.

– О чем печалишься? – спросила она.

Анна всхлипнула:

– Меня сватал франкский король Гуго Капет. Когда я узнала, что брат выдает меня замуж за дикаря из Киева, я ужаснулась и сказала: лучше мне умереть, чем стать женой варвара. Владимир, когда взял Корсунь и захватил семейство князя корсунского, он привязал князя и его жену к шатерной сохе и перед ними три дня насильовал их дочь. На четвертый день князю и княгине вспорол животы, а дочь отдал своему боярину, которого назначил посадником в Корсунь.

– Бедная девочка, – сказала Юлия. – История повторяется – точно таким же образом он поступил с родней Рогнеды. Правда, ее все-таки взял замуж. И моего мужа убил, а меня взял наложницей. Если бы дружина не вступилась, то он бы убил моего сына.

Юлия замолчала, и Анне показалось, что на ее глазах блеснули слезы.

Но нет – только показалось.

Юлия продолжила:

– У франков дикости будет побольше, чем у славян. Но нравы у всех правителей одинаковы – жестокость, ложь. Но ведь без этих качеств не удержать власть.

– Нравы и при нашем дворе жестокие, – согласилась Анна. – На кону стояла жизнь и его... и моя... неоткуда было получить помощь, кроме как от врагов империи. Брат посчитал удачным, что Владимир склонялся к истинной вере, и решил врагов превратить в своих союзников. Василий поставил условие Владимиру – он должен креститься от наших патриархов и должен склонить в веру свой народ.

– Он сделал это как истинный варвар, – заметила Юлия.

– Я вынуждена была согласиться на брак с варваром, – продолжила Анна. Бросила на Юлию быстрый изучающий взгляд и поинтересовалась: – Я слышала, что у Владимира есть еще жены?

– Так оно и есть, – сказала Юлия. – Ты разве этого не знаешь?

– И кто они? – спросила Анна.

Юлия понимающе улыбнулась и начала пояснять:

– Первая жена – Олава. Владимир женился на ней, еще когда был князем в Новгороде. Новгород – это большой город на севере. Олава – норманка. Она родила Владимиру двух сыновей – Изяслава и Вышеслава.

– Она не приняла христианство?

– Нет. Она языческая колдунья.

– Она не любит христиан?

– Она не проявляет этого внешне, – сказала Юлия и продолжила: – Вторая жена – Рогнеда. Она полоцкая княжна. Считалась невестой Ярополка. Но к ней посватался Владимир, и она отвергла его, неосторожно сказав, что не желает быть женой робича...

– Робича? – удивленно спросила Анна.

Юлия пояснила:

– Мать Владимира была рабыней.

– И что же произошло с Рогнедой? – спросила Анна.

– Владимир захватил Полоцк и на глазах отца и матери изнасиловал ее, затем перебил всю ее родню.

Анна покачала головой.

– Похоже, у варвара это в привычке, – сказала она.

– Рогнеда ненавидит его. Думаю, что она рано или поздно отомстит ему. Мечь у славян священный обычай, – сказала Юлия.

– Дикари, – проговорила Анна.

Юлия продолжила:

– Есть еще одна жена – Аделина. Аделина – дочь чешского князя, христианка. Как и тебя, ее выдали замуж из политических соображений. Ее отец надеялся получить помощь Владимира в борьбе за богемский трон.

– Несчастная... – пробормотала Анна.

– Как и все мы. Нравы у князя Владимира простые и же-

стокие – у него кроме жен есть еще шестьсот наложниц по разным городам, – сказала Юлия. – Приезжая в городок, он первым делом приказывает ловить молодых женщин – девок и замужних жен – и приводить к нему.

– Сущий дикарь, – проговорила Анна.

Юлия усмехнулась:

– Из-за столь усердного удовлетворения плотских утех он посещает жен весьма редко.

Анна вспыхнула:

– Не по-божески это! Я потребую, чтобы он избавился от наложниц. И от других жен тоже избавится.

– С чего это ты взяла, что сможешь этого от варвара добиться? – с нескрываемым недоверием спросила Юлия.

– Он уже обещал мне, что я буду его единственной женой. Именно с этим условием я согласилась выйти за него замуж, – сказала Анна.

– Что? – спросила Юлия. Она вспомнила недавний разговор с Аделиной, во время которого она высказала предположение, что Владимир может оставить женой только Анну. Юлия переспросила: – Так что он обещал тебе?

Анна твердо повторила:

– Он обещал мне, что я буду единственной его женой, как того и требуют христианские каноны.

– Но у него уже есть другие жены, – сказала Юлия.

– Перед Богом они ему не жены.

– Почему?

– Потому что не венчаны в церкви, – сказала Анна.

– И что же тогда он будет с ними делать? – с иронией спросила Юлия.

– Он освободит их от супружеских обязанностей, – сказала Анна.

Чтобы скрыть свое изумление, Юлия налила себе вина и выпила. Затем укусила сочный персик.

Она услышала от Анны настолько важное, что дальнейший разговор ей уже стал неинтересен.

Глава 18

Юлия в полной мере оценила важность слов Анны о планах Владимира.

Услышав, что Владимир пообещал Анне избавиться от остальных жен, она мгновенно сообразила, какие это повлечет за собой последствия.

В том, что Владимир осуществит это обещание, Юлия не сомневалась. Не потому, что он был человеком слова, — князь легко обещал, но так же легко отказывался от своих обещаний.

Византия по праву являлась центром цивилизованного мира. Византия была богатым торговым партнером. Кроме того, Византии постоянно требовались наемники — весьма прибыльная торговля. С Византией выгодно было не воевать, а дружить.

Но дело было даже не в этом.

Анна была царевной, и ее дети становились наследниками титула. Ради царского титула можно было отказаться и от жен, и от наложниц, и от многого чего.

«Впрочем, от наложниц-то Владимир не обещал отказаться», — с усмешкой отметила Юлия.

Юлия не была женой Владимира, поэтому могло показаться, что отставка жен ее никак не задевала. Могло даже случиться, что Владимир дал бы ей свободу и она вернулась бы

к монашеской жизни, в которой провела юность.

Но многое с тех пор изменилось: она уже была не той скромной монахиней – она ныне княгиня, мать будущего князя. Теперь ей надлежало думать о судьбе своего сына.

К концу разговора с Анной в голове Юлии сложился хитроумный план, вполне достойный византийской принцессы. Поэтому из приличия еще немного поговорив на пустяковые темы, Юлия, сославшись на необходимость готовиться к отъезду, ушла.

Глава 19

От Анны Юлия направилась сразу к Аделине.

Юлия предполагала, что Аделина будет одна, однако, приоткрыв дверь, увидела, что в комнате также находится Олава.

Они удобно расположились на лавке, покрытой пушистой звериной шкурой.

На столе перед ними стоял штоф с бордовым вином, серебряные стаканы, и блюдо с сыром и хрустящими сладкими заедками, и блюдо с фруктами.

В углу пристроилась Милица. На ее коленях лежало рукоделье, но она не столько вышивала, сколько внимательно наблюдала, стараясь предугадать желания хозяйки.

Аделина негромко жаловалась Олаве:

– Мальчишка совсем распоясался. На днях, когда крушили языческих кумиров, он удрал на Перунову гору, а затем вместе с дружинниками сплавлял статуи до самых порогов. Один авторитет у него – дядя. А Часлав сам еще мальчишка...

Аделина не заметила, что в приоткрытую дверь смотрит Юлия.

Но Олава сразу заметила ее и вонзилась в нее пристальным холодным взглядом.

Жгучая брюнетка Юлия с подозрением и скрытой непри-

язнью относилась к бледной, словно запорошенной снегом, женщине с прозрачными глазами, источающими ледяное дыхание Аквилона.

Юлии казалось, что колдунья Олава читает ее мысли, словно открытую книгу, и от этого по ее спине пробежала холодная изморозь.

Юлия хотела отложить разговор с княгиней Аделией на следующий день, но, встретившись взглядом с Олавой, подумала, что, может, это и к лучшему – сам Бог дает ей возможность убить двух зайцев одним выстрелом.

Олава отвела взгляд и спокойно дослушала рассказ об уничтожении своих кумиров. Только заметила:

– Чего уж... Мои тоже бегали. И Рогнедин Ярослав. Сопливый мальчишка, а туда же.

– Князя они – им до всего есть дело, – проговорила Юлия, входя в комнату.

Аделина вздрогнула, но, увидев, что перед ней Юлия, обрадовалась и сказала прислуживавшей Милице, чтобы подставила Юлии табуретку.

Милица придвинула к столу табуретку с мягким сиденьем.

Юлия села.

Милица налила в стакан вина.

Юлия сделала глоток. Вино было сладким и пахло розой.

– А твой-то, Юлия, не бегал ломать кумиры, – проговорила Олава.

– Ходил. Но стоял в стороне, – согласилась Юлия.

– Он же – христианин, – с кривой усмешкой на губах заметила Олава.

– Ломать чужие кумиры – не княжеское дело, – сказала Юлия.

– Это же чужие боги, – странным тоном заметила Олава.

Юлия почувствовала, что Олава пытается показать презрение.

– Бог у всех один, – сказала Юлия. – Кто искренне верит в Бога, тот не будет крушить чужие святилища.

Олава бросила на Юлию удивленный взгляд. Но через секунду глаза вновь приобрели обычное презрительное выражение.

Юлия вздохнула:

– Слишком уж много времени Святополк уделяет чтению книг.

– Монаху науки нужны, – пробормотала Олава.

– Святополк – князь! – с вызовом произнесла Юлия.

– Но не наследник, – сказала Олава.

– А кто наследник? – задала вопрос Юлия.

– Мой Вышеслав старший сын, – сказала Олава.

Юлия почувствовала, как в ее душе поднимается волна негодования. Но она тут же подавила ее.

На губах Юлии появилась едва заметная ироническая улыбка, и она притворно мягко вздохнула:

– Весь мир – мираж! Желания людей всего лишь дымок,

который развеивает первый же легкий ветер.

Олава и Аделина с недоумением уставились на Юлию.

– Я только что заходила к новой жене Владимира Анне. Она мне родственница, – сказала Юлия, резко меняя тему разговора.

– И что? – подчеркнуто равнодушным тоном спросила Олава, думая, что Юлия просто решила уклониться от ссоры.

– Да так – о мелочах рассказывала, – проговорила Юлия и невинным тоном промолвила: – Она утверждает, что Владимир обещал императору ромейскому, что Анна будет его единственной женой...

Юлия многозначительно замолчала.

Женщин словно окатило холодным душем.

О растерянности Олавы говорили только расширившиеся зрачки, словно превратившиеся в глубокие колодцы.

– Как – единственной женой? А мы? – испуганно спросила Аделина, очнувшись первой. Она была поражена, хотя совсем недавно предполагала, что такое может случиться.

– Ну, ты же христианка, – снисходительно проговорила Юлия, – поэтому должна знать, что по христианским канонам законным признается только брак, заключенный в церкви.

Глаза Аделины покраснели от нахлынувших слез.

– Это и в самом деле так? – настороженно поинтересовалась Олава.

– Так, – кивнула головой Аделина. – Перед христианским Богом ни я, ни ты, ни Рогнеда не являемся законными женами.

– Значит, мы ничем не лучше наложниц? – спросила Олава, пристально глядя на Юлию.

Юлия пожала плечами:

– Лучше ли... Хуже... Не мне судить! Вам лучше знать. Я всего лишь наложница. Но думаю, что когда Анна родит сына, то он и будет законным наследником.

Олава резко встала. Ее лицо тряслось от гнева.

Юлия в первый раз видела ее в таком состоянии.

– Мой сын – старший! – резко проговорила Олава.

– Конечно! Но Владимир стал христианином. А значит, он обязан следовать христианским обычаям. А по христианскому закону, кроме Анны, у него нет жен, – еще раз бесстрастным голосом напомнила Юлия и обратилась к Аделине: – Не об этом ли ты недавно мне говорила?

– Об этом... – тихо проговорила Аделина.

Олава вскочила, словно разъяренная пантера, рванула дверь и выскочила наружу.

Юлия взяла стакан и сделала маленький глоток.

Месть начала свершаться. Сердце Юлии от злой радости билось барабанным боем. Она поспешила успокоить его – нельзя показывать свою радость, пока интрига не завершена... и после этого тоже...

Вкус вина совершенно не ощущался.

Юлия поставила стакан на стол. Незаметно сделала глубокий вдох и задержала дыхание.

Почувствовав, что в душу вернулось спокойствие, Юлия проговорила:

– Я уверена, что Владимир выполнит свое обещание, уж больно выгоден ему этот династический брак. Ты ведь была права. Я сразу поняла это. Ведь дети от Анны будут прямыми наследниками Рима, а потому Владимир будет считать именно их наследниками, а не сыновей Олавы.

Аделина говорила такое...

Но, несмотря на опасения, она надеялась, что этого не случится.

– И что же теперь будет с нами? – спросила Аделина.

– Не знаю, – сказала Юлия.

– А тебя разве не волнует намерение Владимира избавиться от жен? – задала вопрос Аделина.

– Аделина, – укоризненно проговорила Юлия, – я ведь не жена, я – только наложница... а насчет наложниц он Анне ничего не обещал.

– Да, – кивнула головой Аделина.

Аделина думала о том, что к Владимиру у нее не было никаких чувств. Не было ни любви – смешно об этом говорить, когда тебя отдают чужому человеку, словно скотину. Ни ненависти – Владимир относился к ней достаточно хорошо. Ни в чем не стеснял. Да и видела она его очень редко. Он делал свое дело. Она – свое, исправно рожая ему сыно-

вей. Для этого Владимир и брал ее в жены. Было одно равнодушие.

Аделине снова пришла в голову мысль, что лучшим выходом для всех было бы, если бы Владимир умер.

Она этой мысли нимало не ужаснулась. Лишь задумчиво проговорила:

– А Рогнеда будет очень сильно гневаться – ведь Владимир взял ее насильем.

– Это так, – согласилась Юлия, – Рогнеда давно жаждет мести.

– Теперь у нее появится дополнительный мотив для мести, – проговорила Аделина.

– Ну, пойду я. Я ведь зашла на минуту, чтобы сообщить, что завтра утром уезжаю в Вышгород на все лето. Там мне спокойнее, – проговорила Юлия, вставая. Подходя к двери, оглянулась и заметила: – Думаю, не стоит говорить о нашем разговоре Рогнеде. Она женщина гордая, горячая – вряд ли стерпит нового оскорбления. Так дело может дойти и до смертоубийства.

Глава 20

После ухода Юлии Аделина некоторое время размышляла над новостью.

Наконец она обратила внимание на Милицу, которая все это время тихо сидела в своем углу.

– Подружка, а что ты думаешь об этом? – спросила Аделина.

Милица отложила вышивание в сторону. Она уже давно ожидала этого вопроса. Но на всякий случай уточнила:

– О чем, княгиня?

– Ну, о намерении Владимира избавиться от жен, – сказала Аделина.

– Это тебе не сулит ничего хорошего, – проговорила Милица.

– В конце концов, просто обидно, что у мужа вдруг появляется жена, которую он объявляет единственной законной.

– Ведь хотя ты и христианка, но брак с Владимиром был заключен по языческим обычаям. Поэтому твое положение ничем не отличается от ситуации, в которой находятся язычницы Олава и Рогнеда.

– Женам он пока ничего не объявлял. Думаешь, он не передумает?

– Не передумает. Но то, что он освободит жен – не самая большая беда. Владимир через брак с Анной хочет сделать

свою династию царской. Поэтому он обязательно выполнит ее требование. И более того, именно ее детей он сделает своими наследниками. Это будет хуже всего, – безжалостно проговорила Милица.

Аделина покачала головой:

– Мстислав – не самый старший сын. Старше его Изяслав и Вышеслав. Поэтому кого Владимир объявит своим наследником, не сильно его заденет.

– Княгиня, ты ошибаешься. Если дело так пойдет, то Мстислав может оказаться совсем без удела. Или Владимир даст ему самый захудалый удел.

– Как же это может произойти? – удивленно спросила Аделина. – Каждый из сыновей великого князя имеет право на удел.

– У Анны пока детей нет. Но когда появятся сыновья и Владимир, нарушив правило старшинства, назначит кого-либо из них своим наследником, то преемник даст уделы в первую очередь своим братьям, – объяснила Милица.

– До этого времени Владимир уже даст уделы старшим сыновьям, – возразила Аделина.

– Отобрать удел недолго. Вспомни, как Владимир отбирал земли у своих братьев.

– Плохо дело, – вздохнула Аделина. – Что же делать?

Глава 21

Этот разговор прервался из-за Мстислава.

Он ворвался в комнату, словно ураган. На бегу промолвив:

– Здравствуй, матушка! – он устремился к столу, схватил пирожок с блюда и засунул целиком в рот.

Мать встревожилась:

– Ты голоден?

– Голоден! Голоден как волк. Я с утра ничего не ел, – с набитым ртом прошамкал Мстислав.

– Тебя не покормили?

– Некогда было!

Проглотив остаток пирожка, он потянулся к блюду за следующим.

– Куда же Часлав смотрел?! – рассердившись, княгиня Аделина поднялась, чтобы дать указание накормить сына.

– Он пошел на кухню за едой, – сказал Мстислав.

Ему показалось, что мать чем-то расстроена, и он захотел сделать ей приятное. Мстислав сказал:

– А я забежал повидаться с тобой.

– Соскучился? – радостно проговорила мать, чувствуя, как в душе поднялась волна умиленной нежности.

Заметно было, что ей приятно видеть, что сын, хотя и вышел из-под ее опеки, все так же любит ее.

– Соскучился, – сказал Мстислав.

Но лицо матери снова помрачнело – у нее в душе поднялась новая обида.

Часлав в Киеве так ни с кем и не породнился.

О других дружинниках Владимир заботился больше: подбирал им подходящих жен – обычно дружинники рождались между собой. А Часлав так и оставался чужаком – великий князь словно не замечал брата жены.

Княгиня Аделина подумала, что, когда придет время собирать Мстиславу дружину, Часлав столкнется с большими трудностями – в дружину набирают обычно родственников и друзей.

В комнату вошел Часлав.

Кивнув Аделине:

– Здравствуй, сестрица! – он окликнул Мстислава: – Пошли, племяш, на княжеской кухне для нас накрыли стол. Тебя только и ждут.

Мстислав взял очередной сладкий пирожок и направился на выход.

Аделина задержала Часлава.

– Брат, поужинаете – зайди ко мне, – сказала она. – Посоветоваться хочу.

Глава 22

На кухне уже был приготовлен стол. После сладкого Мстиславу есть не хотелось, и он с трудом запихивал в себя куски.

Дядька Часлав почти не ел. Заметно было, что он волновался – интуиция говорила ему, что сестра не зря просила его совета. Очевидно, произошло что-то важное, что может повлиять на их дальнейшую жизнь.

Правда, дядька Часлав, как ни гадал, даже представить себе не мог, о чем пойдет разговор.

В конце концов, убедившись, что Мстислав наелся, он отправил его в комнату отдохнуть, а сам отправился к сестре.

Войдя в комнату, Часлав увидел, что сестра ждала его.

Она уже отправила куда-то Милицу и стояла у открытого окна. За окном был палисадник с цветами. Пахло медом.

– Ну, что у тебя? – спросил Часлав, присаживаясь к столу.

– А чего ты так быстро вернулся? – спросила княгиня Аделина. – Вы хоть поели?

– Поели, – сказал Часлав. Он примерился к посуде, стоявшей на столе. Взял самую большую кружку и налил в нее из кувшина вина.

– А чего торопился? – спросила Аделина, присаживаясь на лавку напротив.

– Так по твоему лицу видно, что о серьезном деле пого-

ворить хочешь, – сказал Часлав.

– Да, дело серьезное, – подтвердила Аделина.

– Ну что ж, говори, – сказал Часлав. Сделал несколько глотков и оценил: – Вино приятное, не иначе – ромейское.

– Юлия заходила ко мне, – сказала Аделина.

– Это она вино принесла? – спросил Часлав.

– Нет, вино мое. Это Владимир прислал, – сказала Аделина.

– А-а! Владимир из похода привез богатую добычу, – сказал Часлав и усмехнулся. – Кроме новой жены, он привез золото и много разного добра. Император хорошо платит за услуги. Вот и вино ромейское. Наверно, сделает и тебе хороший подарок.

– Вот именно – сделал подарочек! – сухо ответила Аделина.

Часлав взглянул на нее, отметив, что Аделина не в духе, проговорил:

– Ну ладно – так о чем ты хотела посоветоваться со мной?

Аделина вздохнула и, понизив голос, сообщила:

– Юлия передала разговор с Анной...

– Анна – это новая жена князя? – уточнил Часлав.

– Да. Они с Юлией родственницы, – сказала Аделина.

– Меньше всего в Византии ценятся родственные связи, – с ухмылкой проговорил Часлав. – И в чем же проблема?

– Анна сказала ей, что Владимир пообещал ей и ее брату, что она будет у него единственной женой, – сказала Аделина.

– Да? – удивленно проговорил Часлав. Он наморщил лоб, затем залпом осушил кружку.

Аделина строго смотрела на него.

– А как же с другими женами? – задал вопрос Часлав.

– Согласно христианскому канону перед Богом законен только брак, освященный церковью, – сказала Аделина.

– А как же ты? – спросил Часлав.

– Не знаю. Наверно – я тоже не жена, – сказала Аделина.

– Владимир, когда брал тебя в жены, не был христианином, – проговорил Часлав.

Поставив локоть на стол и подперев подбородок ладонью, начал неторопливо рассуждать:

– Если он Анну объявит своей единственной женой, то остальные – считаются наложницами? Но Владимир тебя просил в жены... Он не может отказаться от своих слов... Даже не знаю, что и сказать.

– Кроме меня у Владимира есть и другие жены – Олава и Рогнеда, – сказала Аделина.

– Они знают о намерении Владимира? – спросил Часлав.

– Олава знает. А Рогнеда... Рогнеда пока не знает, – сказала Аделина. – Рогнеда будет сильно разозлена, когда это узнает. Все знают, что Владимир взял ее насильно в жены, убив ее родственников.

– Он взял ее в жены, чтобы стать хозяином в Полоцке. И родню убил, чтобы устранить соперников. Теперь наследниками Полоцкого княжества являются его сыновья от Рогне-

ды, – проговорил Часлав и хохотнул. – У Владимира столько женщин, что он уже толком и не знает, кто из них его жены. А уж насчет детей – и подавно!

Аделина нахмурила брови.

Часлав поспешил заметить:

– Впрочем, все это ерунда. Имеет значение только одно: будет ли он считать детей от всех жен своими наследниками или?..

– Часлав, в этом как раз загадки и нет, – с досадой перебила Аделина. – Если законная жена остается только Анна, то ее сыновья и будут наследниками.

Часлав почесал голову и задумчиво проговорил:

– Это плохо. Очень плохо.

– Это главная беда, которая грозит и нам, – сказала Аделина. – Затем и позвала тебя на совет.

Часлав снова налил вина.

– Брат, хватит тебе пить вино! – раздраженно сказала Аделина. – Напьешься, а мы толком ничего не решили.

– А чего решать? – сказал Часлав. – Чтобы твой Мстислав остался наследником, надо, чтобы у Анны не было сыновей.

Аделина усмехнулась:

– Ты знаешь, как это сделать? Владимир все силы приложит, чтобы у Анны были дети. И только Бог решает, кому родиться у женщины.

Часлав подозрительно оглянулся и, склонившись к Аделине и глядя ей прямо в глаза, тихо проговорил:

– Но над Мстиславом есть и другие старшие сыновья. Для того, чтобы Мстислав стал наследником, они должны умереть. В первую очередь... Либо Анна... Либо ее сын, если появится... Либо сам...

Аделина испуганно отшатнулась:

– Не говори такого...

Часлав выпрямился:

– А других вариантов нет!

– Нет?.. – прошептала Аделина, и в комнате повисла тишина.

Часлав снова занялся вином. Он наполнил кружку доверху и стал медленно смаковать вино небольшими глотками.

Наконец Аделина заговорила:

– Меня гложет мысль: зачем Юлия это все нам сказала? Она наложница, и ей все равно, кто будет считаться женой.

– Нет – не все равно, – сказал Часлав. – Юлия понимает, что ее сын наследник до тех пор, пока у Анны не родится свой сын.

– Значит, не зря она нам рассказала о планах Владимира...

– Конечно, не зря, – сказал Часлав.

Аделина начала догадываться:

– Неужто она надеется, что кто-то из нас убьет Владимира или Анну? Почему же она сама этого не делает?

Часлав усмехнулся:

– Подстрекает. Ромеи славятся своим коварством. Они

привыкли загребать жар чужими руками. Юлия – ромейка. Она понимает, что если она, наложница, попытается устроить заговор и это откроется, то точно – и ее голова, и голова Святополка слетят с плеч. А жене может и сойти с рук.

Аделина поморщилась:

– Чтобы решиться на такое, надо иметь поддержку в дружине. У нас есть поддержка в дружине?

Часлав покачал головой:

– Нет.

– Плохо! – раздраженно проговорила Аделина. – Чем же ты занимался все это время?

– Это не от меня зависит. В дружине нет чехов, – сказал Часлав.

– А у Олавы? – задала вопрос Аделина.

– У Олавы друзья – норманны и варяги. Их больше половины в дружине. Вот она могла бы убить Владимира или Анну, – сказал Часлав.

– Олава этого никогда не сделает! – уверенно проговорила Аделина.

– Почему? – спросил Часлав.

– Эта колдунья выходила замуж за этого варвара по любви. Она любит его. Ей все равно, кем она будет считаться, лишь бы быть рядом с ним, – сказала Аделина. На минуту замолчала и добавила: – Если кто и решится убить Владимира, то только Рогнеда. Она днем и ночью грезит, как бы отомстить Владимиру.

– У Рогнеды хорошая поддержка в дружине, – задумчиво проговорил Часлав.

– Но Юлия предупреждала, чтобы мы Рогнеде ничего не говорили, – сказала Аделина.

Часлав фыркнул:

– Хитрая ромейка – говорит одно, а думает другое. Она специально это сказала вам, чтобы кто-то из вас передал все это Рогнеде.

– Похоже, – согласилась Аделина.

– А что?! – проговорил Часлав. – Может... ей и надо подыграть?

– Владимир если узнает, что я подстрекала Рогнеду, то отрубит мне голову. Мне до сих пор чудится вой девки, что он замуровал в стене, – испуганно проговорила Аделина.

– А ты и не подстрекай! – насмешливо проговорил Часлав. – Прикинься дурочкой и поговаривай ее, чтобы она простила Владимира.

Аделина рассмеялась:

– Так уж и Рогнеда послушает меня! Она еще больше разозлится и выгонит меня.

– Ха! – воскликнул Часлав. – А нам нужно что-то иное?

Аделина бросила на брата одобрительный взгляд:

– Часлав, а ты не так простодушен, как может показаться...

– Я – княжич! – гордо проговорил Часлав и усмехнулся. – В княжеской семье – словно в волчьей стае: простаку не вы-

жить.

– Только Рогнеда живет в селе и в Киев никогда не приезжает, – напомнила Аделина.

– И ты езжай в село, – сказал Часлав. – А по пути – особенно если мимо – что же не заехать к другой жене? По-свои-ски... Никто не осудит.

Глава 23

Царевне Анне быстро надоел загул мужа, и она сделала Владимиру выговор.

К безмерному удивлению близких бояр, ставших свидетелями этого разговора, Владимир, на которого ранее не было никакой управы, послушался новой жены. С кутежом было закончено.

Владимир с царицей, в сопровождении свиты, посетил церковь, где усердно молились.

Жизнь стала тише, но скучнее.

После ужина Владимир некоторое время читал книгу, но это занятие ему быстро надоело, и он вышел на крыльцо.

Заходящее солнце опадало блеклым пузырем на мутном горизонте.

Одинокая пара ласточек, на секунду застыв черными точками в розовеющем небе, низвергалась с высоты, делала над крышами пируэт и с восторженным визгом взлетала ввысь.

Через минуту трепещущий солнечный диск растаял и потянул прохладный ветер. словно по сигналу подал робкий голос соловей. Ему ответил далекий взрыв лягушачьего гомона.

Во дворе было темно. Лишь в одном из окон блеснул багровый блик.

Владимир удивился. Высушенный жарким солнцем дере-

вянный город от малейшей искры вспыхивал, словно клок сена, поэтому летом на княжеском дворе разрешалось жечь огонь только в летней кухне.

Владимир хотел кликнуть сторожей, но, зевнув, решил сам дойти и посмотреть на ослушника.

Слабый свет горел в окне дома Олавы.

Удивившись, что Олава в позднее время не спит, Владимир потянул дверь. В открытую дверь сквозняк потянул горьким дымом.

Поморщив нос, Владимир вошел в комнату.

Посредине большой комнаты в очаге горел слабый огонь. Свет вяло пробегал по стенам, освещая пучки висящих растений.

Олава неподвижно сидела на полу, задумчиво глядя на огонь. На вошедшего Владимира не обратила внимания.

Владимир сел рядом.

В юности они любили сидеть рядом у огня. Им казалось, что огонь соединяет их души и мысли. Но с тех пор прошло много лет.

Так они сидели несколько минут, затем Олава пошевелилась. Взглянув на Владимира, проговорила:

– Ты все же пришел...

– Пришел, – сказал Владимир. – Ты ждала меня?

– Я тебя давно жду, – сказала Олава.

– У меня много дел, – сказал Владимир.

Олава слегка улыбнулась, с иронией подумав: «Знаю я

твои дела»!

– Ты давно не приходил ко мне, – сказала Олава, на секунду задумалась и задала вопрос: – Ты меня разлюбил?

Олава была первой женщиной Владимира. Первая женщина запоминается навсегда. Именно с ней мужчина сравнивает остальных женщин.

Мужчины вступают в связь с женщинами, подталкиваемые природным инстинктом продолжения рода либо из любопытства. Не было у него уже ни инстинкта, ни любопытства – от пресыщения женщины текли перед его глазами одним пестрым безликим потоком. Была лишь необходимость – утверждать себя. И политика.

Но с тех пор у Владимира были тысячи женщин. Кто-то из них был хуже Олавы, кто-то лучше... Владимир уже не видел между ними разницы.

Олава догадалась о причине его молчания и уверенно проговорила:

– Ты уже никого не любишь...

– Это сложно объяснить... – буркнул Владимир, и, торопясь перевести разговор на другую, менее болезненную тему, спросил: – И о чем ты гадаешь?

По губам Олавы скользнула улыбка.

– Хочу узнать будущее, – проговорила она.

– Это все хотят знать, – сказал Владимир. – Только каждому ли надо знать его?

– Не каждому, – кивнула головой Олава. – Знание – удел

избранных. А простому человеку будущее лучше не знать. Только лишнее беспокойство одолеет.

– Мне можно знать будущее, – сказал Владимир.

– Пожалуй, – уклончиво проговорила Олава.

– И что обещают мне боги? – спросил Владимир.

– Зачем тебе знать, что говорят языческие боги? Ты христианин и не веришь в отцовских богов, – сказала Олава.

– Неважно, откуда приходит знание, – заметил Владимир.

Олава бросила на него внимательный взгляд и поинтересовалась:

– Ты решил объявить Анну единственной законной женой?

Владимир необычно почувствовал смущение.

– Это политический шаг, – сказал он. – С таким условием мне отдали Анну в жены. Понимаешь, что династический брак с императорами ромеев крайне важен для нас.

Олава с сарказмом напомнила:

– Дед Анны был крестьянином, а твои предки – князья.

– У ромеев и пастухам дорога в императоры не закрыта. Главное, что братья императоры. А нам это принесет выгоду: улучшится торговля; наши воины будут служить у императора, и это даст нам много золота...

Олава спросила:

– И ты ради выгоды отказываешься от веры предков?

Владимир попытался объяснить:

– Подо мною – множество племен с разными обычаями.

Чтобы заставить их подчиняться, надо постоянно висеть над ними угрозой. Но это требует больших сил. Как их объединить? Только одной верой. Язычники – свободные люди. Они своих богов считают равными себе. Хотят – слушают. Не хотят – боги им не указ. Христиане – рабы своего Бога. А правитель – наместник Бога. Значит, христианство для моей власти полезнее, чем язычество. Теперь посуди: какая вера мне нужнее?

Олава вздохнула:

– Ты взял остальных жен из выгоды. Что ж – я тебя понимаю. Но ответь все же мне: ты меня еще любишь?

– Да, – сказал Владимир.

– Почему тогда отвергаешь меня?

– Я не отвергаю тебя. Но ты язычница. Не может христианин иметь жену-язычницу, – сказал Владимир, немного помолчал и добавил: – А я по-прежнему люблю тебя.

– А если я стану христианкой – я останусь твоей женой? – спросила Олава.

– Я уже дал обещание Анне, – сказал Владимир, пряча глаза.

– Значит, ты все же решил прогнать меня? – сказала Олава.

Владимир попытался смягчить ответ:

– Ну, не прогнать... Я дам тебе городок...

– И объявишь наложницей? – спросила Олава, словно не слыша Владимира.

– Ты не будешь наложницей, – сказал Владимир.

– А кем же я буду? – спросила Олава.

Владимир замялся:

– Ну...

– Ты запутался! – констатировала Олава и проговорила доверительным тоном: – Знаешь, Владимир, отказываясь от меня – ты оскорбляешь меня. Я обижена – ты предаешь нашу любовь. Что же – пусть будет как будет. Старую любовь не вернешь. Но, помня о ней, я все же скажу тебе, о чем меня предупредили боги, которых ты тоже предал и оскорбил. Знай – боги предупреждают тебя об опасности. Тебе грозит смерть!

– И кто же хочет меня убить? – без особого удивления спросил Владимир.

– Те, кого ты предаешь, – сказала Олава.

– Мертвые мне уже не опасны. А живые... – Владимир усмехнулся. – Кто грозится меня убить? Кто?

– Боги этого не говорят.

– Да кто из них способен на такое?!

Олава покачала головой:

– Кто не знает цены людям, тот сам себе создает врагов.

Глава 24

Владимир ушел от Олавы не столько озабоченный, сколько озадаченный. Угроза смерти его не пугала – княжеская жизнь такова, что постоянно приходится играть в прятки со смертью. Озадаченный же он был тем, что угроза поступила от тех, кого он считал неспособными к сопротивлению. Привыкший силой брать женщин, он не видел в них людей.

По всему было видно, что Олава была разозлена, и потому Владимир не поверил в ее предупреждение. Тем не менее интуиция говорила, что ее предупреждение было ненапрасным.

Владимир почувствовал, что ему требуется с кем-либо посоветоваться, и он завернул в гридницкую. На его удачу там оказался Добрыня.

Добрыня, приходясь братом матери Владимира, был его воспитателем. Владимир не обходился без его советов.

Воевода сидел один. Перед ним на столе стояла кружка и глиняный кувшин с медовухой.

– Ты чего сидишь один? – спросил Владимир, войдя в комнату.

Добрыня, покосившись на князя, отхлебнул из кружки. Вытер усы и сообщил:

– Ночную стражу хочу проверить.

Ночной стражей заведовал боярин Ореша, и Добрыне не

было необходимости подменять его.

– Ореша, что ли, заболел? – спросил Владимир, присаживаясь к столу.

Добрыня поставил на стол вторую кружку, плеснул в нее медовухи и пододвинул к Владимиру:

– Слава Богу – здоров. Выпей.

Владимир сделал глоток из кружки.

– Хорошая медовуха, – сказал он. – А чего же ты решил проверить ночную стражу? Или Ореша неисправен в службе?

– Исправен, – проговорил Добрыня. – Но доложили мне, что разговоры нехорошие ходят среди горожан – недовольны они тем, что ты отказался от веры предков. Как бы не поднялись.

– На их недовольство наплевать! – сказал Владимир. – Ты что, не знаешь, что делать? Как всегда – найди бузотеров и посади в подвал.

Добрыня побряхтел:

– Знаю я, что делать. Но сейчас пока против нас открыто не выступили – нельзя трогать. Этим еще больше разозлим народ. А со временем все успокоится.

– Ладно, – проговорил Владимир. – Пусть стража не спит. Да дружину держи наготове.

– Так и сделаю, – сказал Добрыня и поинтересовался: – А ты чего не спишь?

– Заходил к Олаве, – проговорил Владимир.

– Что – старая любовь вспыхнула? – насмешливо спросил Добрыня.

– Да нет. Просто не спалось. Вот и заглянул на огонек, – сказал Владимир.

– И как? Очередной наследник будет? – усмехнулся Добрыня.

Владимир нахмурился:

– Не будет... Она знает, что я обещал Анне объявить ее единственной законной женой.

– Да ну?! – удивился Добрыня. – И кто же ей сказал?

– Не знаю. Боги ей подсказали. Она как раз волхвованием занималась, – сказал Владимир.

– Сердится? – спросил Добрыня.

– Конечно! – сказал Владимир. – Говорит, что мне грозит опасность.

– Какая опасность? – раздраженно спросил Добрыня. – Мы дома. Что тут тебе может угрожать? Печенег?

– А что – печенег? – спросил Владимир.

– От лазутчиков приходят сведения, что они недовольны нами и хотят снова идти на Киев, – сообщил Добрыня.

– Только – недовольны? – спросил Владимир. – Или – хотят идти?

– Пока – недовольны, – сказал Добрыня.

– Они все время недовольны, – сказал Владимир.

– О какой же опасности она говорит? – спросил Добрыня.

– Прямо не говорит. Что-то намекнула о тех, что я «пре-

дал ее и отцовских богов», – сказал Владимир.

– Она не понимает, что власть и добропорядочность несовместимы. Если бы ты не убил своих братьев, то они убили бы тебя, – проговорил Добрыня и сделал вывод: – Все женщины глупые!

Владимир тихо рассмеялся:

– Я знал тысячи женщин и ни одной дуры среди них не встречал. Все они добивались от меня выгоды для себя. У них просто другие заботы.

Добрыня покрутил головой:

– И в самом деле – мы, мужчины, воюем, деремся; и все, что мы добываем, отдаем женщинам, которые обязаны делать одно – улаживать мужчин и рожать наследников.

– Что ж, таков замысел Бога... – проговорил Владимир.

– Значит, она так и не сказала, откуда грозит опасность? – проговорил Добрыня.

– Думаю, она намекает на жен, – сказал Владимир.

– С чего ты взял, что опасность исходит от твоих жен? – спросил Добрыня.

– А чего же тут гадать? Мои соперники на власть давно перебиты. Остаются жены, от которых я хочу отказаться. Олава же прямо сказала: «Те, кого ты предаешь». Олава считает, что я предаю, отказываясь от нее. Она все спрашивала, люблю ли я ее.

Добрыня взглянул на князя с любопытством:

– И что ты ответил ей?

– А что я могу ответить? – проговорил Владимир. – Конечно, сказал, что люблю.

– А она? – спросил Добрыня.

– Конечно, не поверила, – сказал Владимир.

– Да, Олава сильно разозлена. Да и другие. Но этого и следовало ожидать, – сказал Добрыня.

Владимир махнул рукой:

– Да что же мне может грозить от женщин? Они ни на что не способны, кроме как слезы лить.

Добрыня покачал головой:

– Ой, не промахнись князь. Вот Феофано, мать Анны, отравила мужа и сделала любовника императором...

– Мы не в Константинополе, – недовольно возразил Владимир.

– Женщины везде одинаковы. Они коварны. И если что задумали, то сотворят. Может, если и не зарежут ножом, то отравят, – сказал Добрыня.

– Она не говорила прямо, что кто-то из жен хочет убить меня, – заметил Владимир. – Если бы знала, она сказала бы мне.

Добрыня снова покачал головой:

– Олава сильная ведунья, и не зря она тебя предупредила об опасности.

– Ты думаешь, что она хочет убить меня? – с тревогой в голосе спросил Владимир.

– Олава? – сказал Добрыня. – Возможно... Она – первая

твоя жена. Зная, что ты хочешь отказаться от нее, она, конечно, обижена.

– Она любит меня, – напомнил Владимир.

– Ты отказался от нее. А от любви до ненависти один шаг, – сказал Добрыня.

– Не боюсь я женщин, – сказал Владимир. – Кто может отважиться убить меня?

– Любая, – сказал Добрыня.

– Только не Олава, – убежденно проговорил Владимир.

– Отчего же? – промолвил Добрыня. – Она колдунья и знает яды.

– Если бы Олава хотела убить, то не предупреждала бы, – сказал Владимир. – Нет, только не Олава.

– Но ведь для чего-то тебя она предупреждала? – проговорил Добрыня.

– Может – Аделина? – предположил Владимир и сам себе возразил: – Аделина – самая тихая. Она точно неспособна на убийство.

– А Юлия? – спросил Добрыня. – Она зла на тебя. Высокомерна. Ромейка!

– Но она мне не жена, – сказал Владимир и рассудил: – Когда я откажусь от остальных жен, ее положение не изменится. Поэтому для нее мои намерения не имеют значения. И может быть, даже для нее это будет выгоднее.

– Да в чем же ее выгода? – с недоумением спросил Добрыня.

Владимир усмехнулся:

– Да хотя бы позлорадствовать над бывшими женами. Юлия – гадюка! Горе других моих жен – на радость ей.

– У Юлии есть причина ненавидеть тебя. Но ты ее Святополка признал своим сыном. Она дорожит этим и не допустит, чтобы у тебя было хотя бы малейшее недовольство ею и ее сыном, – рассудил Добрыня и задумчиво проговорил: – Значит, остается Рогнеда... Я думал об этом с самого начала. Она много раз говорила о ненависти к тебе.

– Значит – Рогнеда? – проговорил Владимир. – Что же – своенравна, горда, горяча. В ее душе горит месть за убитых родственников. Она может. Но как узнать, что она замышляет?

– Да чего гадать? – проговорил Добрыня. – Лучше отправь жен по отдаленным городкам. Пусть живут сами по себе. Так будет спокойнее. А то еще и в самом деле сговорятся между собой... Тогда точно беды не миновать!

– Так и сделаю, – согласился Владимир. – Однако Рогнеду все-таки проверю.

Добрыня пожал плечами:

– Она уже старая. Давно бы прогнал ее, раз она тебя ненавидит. И чем она тебя так присушила?

Владимир усмехнулся:

– Дружище, несмотря на твои седины, ты ничего не понимаешь в женщинах. Какой интерес в женщине, которая отдается покорно, точно корова на случке? А тут, словно берешь

ее в первый раз, – фонтан чувств: огонь, ярость, ненависть. Это как победить врага в бою. Выше нет наслаждения, как покорить строптивую женщину.

Глава 25

Утро было поразительно светлым. Рубиновое солнце выскочило на васильковое небо, точно огненный снаряд, выпущенный гигантской катапультой, и неподвижно повисло нестерпимо ярким комком огня.

Утренний бриз мгновенно стих. Листья на деревьях застыли кружевной малахитовой резьбой.

Стихли неугомонные птицы. Все замерло, словно в предчувствии чего-то страшного и необыкновенного.

Стало душно.

Рогнеда с маленьким Мстиславом, в сопровождении дочери Премиславы и сына Всеволода, убегая от духоты, вышла на прогулку.

У Рогнеды было четыре сына и три дочери.

Изяслав был старшим. Следующий – Ярослав. Затем Всеволод. И вот – младенец Мстислав.

Дочери: Предслава, Премислава.

Мстислав родился у Рогнеды, когда Владимира не было в Киеве. И хотя у Аделины уже был ребенок с таким именем, тем не менее Рогнеда дала это имя своему младшему сыну.

Мстислав – славящий месть. Месть за убитых родственников горела в душе Рогнеды неугасимым огнем, и имя сына должно была напоминать ей об этом.

Забегая вперед, отметим, что Мстислав умер еще во мла-

денчестве. Больше у Рогнеды сыновей не было. И позже, когда у нее родилась дочь, она передала ей имя, напоминавшее о долгожданной мести.

На берегу Лыбеди под большой ивой, обвисшей прядями ветвей, словно шатром, служанки поставили стол и лавки. Рядом прямо на траву постелили ковры, на которые набросали подушек.

На коврах устроилась княгиня с ребенком.

Рядом примостилась Премислава с вязанием.

А Всеволод с удочкой и куском хлеба удрал поближе к камышовым зарослям, где по зеркальной поверхности темно-зеленой воды множила круги голодная мелочь.

Сначала Рогнеда укладывала Мстислава спать. Тот капризничал и не хотел засыпать. Наконец он уснул.

Увидев это, Премислава, оглянувшись на служанок, – те были далеко и не могли слышать ее слов, – задала вопрос:

– Мама, я слышала, что отец решил отказаться от тебя? Это правда?

Премиславе было почти десять лет. В этом возрасте девочки уже взрослые, поэтому Рогнеда была откровенна с ней.

– Да, об этом говорила Аделина, когда заезжала к нам. Она была расстроена, – проговорила Рогнеда.

– Но правду ли сказала Аделина? – усомнилась Премислава.

– Я верю ей... – проговорила Рогнеда и на секунду задумалась.

малась. Затем ответила: – Владимир корыстолюбив. Если он считает выгодным породниться с ромейскими императорами, то обещание, данное Анне, выполнит.

– И что же с нами будет? – спросила Премислава, и в ее глазах мелькнула тревога.

– Тебе не надо беспокоиться, – сказала Рогнеда. – Твоя судьба была решена, как только ты родилась: тебя выдадут замуж за какого-либо короля или князя. Такова судьба всех княжеских дочерей.

– А как же ты? – спросила Премислава.

– Он обидел меня, когда силой брал замуж. Он сейчас оскорбляет меня... – Рогнеда хотела рассказать о скопившихся в ее душе обидах и о мести, горевшей в ее сердце неугасимым огнем. Но ее глаза столкнулись с глазами дочери, и она увидела, что зрачки девочки излучали липкий страх, и Рогнеда осеклась.

Ей пришла в голову мысль, что Премиславе для ее спокойствия лучше ничего не знать – Владимир все же ее отец, от которого зависит ее благополучие.

– Ты его дочь. Твое благополучие отец устроит, – сказала Рогнеда и отвернулась к зашевелившемуся мальчику.

Поправив под ним подушку, с тревогой взглянула на небо. Там происходили грозные события.

Вдруг неизвестно откуда появились огромные, тяжелые, свинцово-серые тучи. Волчьей стаей они окружали безмятежное солнце. Рваная зубастая пасть начала поглощать ис-

точник жизни. Рванул порыв ледяного ветра. Небо свернулось, словно осенний пожухлый лист.

Но не успела богиня ночи Мара возликовать, как сам Сварожич, стражник неба, сверкнул огненным мечом, озарив землю ослепительной серебряной вспышкой.

Тишину разорвал оглушительно-резкий звук треснувшей небесной тверди.

Разбуженный ребенок отчаянно вскрикнул.

Рогнеда схватила его на руки и, крепко прижимая его к груди, вскочила:

– О боги! Беда! Перун гневается!

Служанки подхватили ее под руки и быстро повели к дому.

Едва вбежали в дом, как небо прорвалось – с грохочущим шумом обрушились потоки воды. День внезапно превратился в ночь.

Вспышки молнии превратились в сплошную огненную завесу, а гром уже превратился в один яростный рев взбесившегося хозяина ада – гигантского дракона Ящера.

Рогнеда в страхе забилась в темный угол. Маленький Мстислав в ее объятиях заходился в крике.

Рогнеда, пытаясь успокаивать его, а скорее всего, саму себя, что-то пела ему в ухо тихое и тоскливое.

А перед ее глазами вставали картины прошлого, давно забытое: тихий летний дождь; маленькая девочка – она подставляла лицо нежным каплям; счастье, заполнившее душу.

И вдруг, как пропасть, — штурм Полоцка, кровь, насилие. И над всем этим звериная морда дьявола.

Рогнеда прижалась лицом к ребенку.

Ребенок был теплый и пах парным молоком.

Ливень кончился внезапно, так же как и начался. Непрерывный шум водопада сменился редким набатом тяжелых капель.

Ребенок успокоился, и Рогнеда положила его в зыбку.

Еще некоторое время в небе висела серая хмарь, но скоро тучи бесследно исчезли.

Рогнеда вышла во двор.

Грозы словно не было. Было тихо. Воздух пах свежестью. Деревья, чисто умытые дождем, светились прозрачным изумрудным цветом.

Ласточки черными молниями резали воздух низко над парящей землей.

В прозрачных лужах на дороге расцветало розовым цветком заходящее солнце. В розовой акварели купались куры и голуби.

На улице появились бабы и девки. Вскоре они сбились в кружок на полянке.

Но недолго длилась тишина. Розы в лужах задрожали, словно от страха, и голуби, тревожно гукнув, все вдруг взлетели с шумом и хлопаньем. Беспечные куры не обратили на тревогу среди голубей никакого внимания.

Лишь когда в их стаю врезались несущиеся во весь опор

всадники, куры с паническими воплями бросились во все стороны, путаясь под копытами коней.

Кто-то всполошенно крикнул:

– Князь!

В селе знали о том, как проходило принятие горожанами христианства, когда людей палками гнали в реку. Не забылся и обычный порядок княжеской дружины: вторгнувшись в село, хватать девок и молодых на утеху себе.

Неудивительно, что улицы мгновенно опустели. Лишь одна запоздавшая девка, мелькая босыми грязными пятками, всполошенно, словно испуганная курица, металась, в страхе не узнавая собственной избы.

С душераздирающим гиканьем всадники ворвались на княжеский двор. Около крыльца Владимир резко остановил коня, подняв на дыбы, и ловко соскочил с седла. Бросил не глядя поводья.

Конюхи отвели коня в сторону и принялись очищать его бока от грязи.

Владимир поднялся на крыльцо.

Рогнеда почтительно наклонила голову и поприветствовала заранее подобранными словами:

– Будь здоров, мой муж.

Владимир покосился на нее, и Рогнеде показалось, что его глаза вспыхнули злым огнем.

– Ночевать буду у тебя, – буркнул Владимир и прошел в терем.

Вслед за ним в терем пошли бояре. Проходя мимо княгини, они с почтением приветствовали ее. Приветствуя княгиню, некоторые не скрывали насмешливого выражения лица, в глазах же других читалось сочувствие.

С Владимиром приехали Изяслав и Ярослав, которые, как старшие дети, обязаны были участвовать в делах отца.

Ярослав мимоходом мазнул мать губами по щеке.

А Изяслав, пока бояре входили в терем, давал указания насчет коня, поэтому на крыльцо поднялся последним. Проходя мимо матери, он задержался на мгновение и, опасливо оглянувшись, поинтересовался:

– Как живешь, мама? Здорова ли?

– Здорова, – проговорила Рогнеда.

– Мама, будь осторожна! – шепнул Изяслав, шевеля одними губами, и поторопился зайти в терем.

Не поняв предупреждения сына, Рогнеда ушла в свои комнаты.

Глава 26

Вечер оказался шумным – Владимир с дружинниками бражничал, как всегда, не соблюдая никаких приличий. Ревели испуганным кабаньим стадом пьяные мужские голоса. Кричали и рыдали женщины, точно попавшие в волчью пасть овцы.

Закрывшись в своей комнате, Рогнеда невольно вздрагивала от криков – перед ее глазами снова вставали картины того жуткого дня, когда Владимир со звериной жестокостью переломил ее судьбу. Рогнеда искренне хотела бы забыть все, что связано было с тем днем, но чем больше она пыталась сделать это, тем больше в ее душе разжигался огонь мести.

Мсть – священна. Пока мертвые не отмщены, живые покоя не имеют...

К наступлению ночи в комнате было все готово – слуги накрыли стол, застлали постель. Комнату освещал слабый свет свечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.